

Суровое испытание

Автор:

Кон Джиён

Суровое испытание

Кон Джиён

Лучшие дорамы

Нет страшнее кошмара, чем реальность. Ничто так не мешает справедливости, как несовершенство закона. И ничто не говорит так громко, как тишина. Кан Инхо знает об этом не понаслышке. Мир, каким он его знает, рушится, когда он переходит работать в школу-интернат для глухонемых. Никто не думает, что молодой учитель что-то изменит. Ведь там, где царствует отчаяние и безысходность, нет места для надежды.

Новый роман Кон Джиён – история, которая не оставит никого равнодушным, ведь автор мастерски поднимает такие важные темы, как сострадание, любовь к ближним. Она показывает, как важно не сдаваться, и бороться не только за себя, но и за будущее своих детей.

Кон Джиён

Суровое испытание

???

THE CRUCIBLE

JI-YOUNG GONG

Печатается с разрешения автора и литературных агентств KL Management, Barbara J Zitwer Agency и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Корейского института литературного перевода.

Copyright © 2009, 2019

by Ji-Young Gong

All rights reserved.

© Кузина С.В., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Суровые испытания

1

В тот самый час, когда, погрузив в машину свой незамысловатый скарб, Кан Инхо покидал Сеул, город Муджин погружался в туман. Мгла пришла из моря, словно огромное белое чудовище. Лапы его, покрытые мириадами влажных ворсинок,

размашисто шагали по суше. И все вокруг превращалось в нечто неразличимое, неосязаемое, отдавалось во власть водяного пара, как смирившиеся со своим поражением солдаты. Высящееся на прибрежной скале четырехэтажное каменное здание интерната «Чаэ» тоже начало погружаться в туман. И когда желтый мерцающий свет, пробивающийся из столовой на первом этаже, стал бледнеть, приобретая майонезный оттенок, издали послышались удары колокола.

Было воскресенье. Поэтому, скорее всего, звонил церковный колокол, оповещающий о начале утреннего богослужения. Звук разнесся по всей округе. Ведь единственное, что может преодолеть туман, – это звук.

2

Мальчик шел по железнодорожным путям. Туман еще не поглотил всю сушу полностью, однако, раскидывая свою тончайшую сеть, постепенно, один за другим стирал очертания предметов. Заросли раньше срока распустившихся космеей по обочинам железнодорожной насыпи, увязнув в паутине тумана, казалось, дрожали от страха.

Мальчишке было десять лет. Но по сравнению со сверстниками он был до крайности малорослым и щуплым. Его светло-голубая полосатая футболка насквозь пропиталась туманной влагой.

Мальчик шел по рельсам. Казалось, с ним что-то не так: он прихрамывал, подволакивая ногу. Однако вскоре наползающий с моря туман окутал его силуэт, сделав почти невидимым. А затем и окончательно поглотил. Рельсы под ступнями мальчика начали равномерно подрагивать. И он ощутил это.

3

Воскресное богослужение церкви Великой Славы, расположенной в самом центре Муджина, началось в десять утра. Церковный двор уже полностью погрузился в туман. Со стоянки то и дело раздавался скрежет – то сталкивались машины припозднившихся прихожан. Свет фар был бессилен: плотное белое одеяло накрыло всё и вся. Хор голосов под сводами церкви читал Священное Писание: никогда Тьма не одержит победу над Светом, – а туман продолжал

всасывать в себя трепещущие огни. Охранник на стоянке невзначай уронил на землю ключи и теперь, согнувшись в три погибели, безуспешно пытался их найти. Наконец, с трудом нащупав связку в непроглядной пелене, он недовольно пробормотал:

– Проклятый туман... черт ногу сломит.

Звуки хора в сопровождении органа заглушили его ворчание.

4

Рельсы задребезжали. Мальчонка обернулся. Поезд, мчавшийся по пологой дуге, приближался на полном ходу. Парнишка широко раскинул руки ему навстречу. На его лице мелькнула то ли слабая улыбка, то ли слабая гримаса... А через секунду раздался вопль. Не поддающийся описанию дикий крик, в котором нельзя было разобрать отдельных звуков. Поезд загудел. И тело мальчишки взлетело в воздух, невесомое, как попкорн, и влажная земля окрасилась алым. Но туман все скрыл. Поезд унесся, и вокруг установилось глубокое затишье, будто глубоко под водой. Веки мальчика в последний раз дрогнули и замерли, зрачки слепо уставились в молочно-белую мглу.

5

Когда Кан Инхо остановился отдохнуть, зазвонил сотовый. Это была жена. Не прошло и часа, как он выехал из дома. И хотя именно она решила, что останется с дочкой в Сеуле, а в Муджин он отправится один, в ее голосе чувствовалось сожаление.

– За рулем?

– Нет. Остановился передохнуть.

Непохоже, что она звонила по делу. Видимо, только после того, как он погрузил свою нехитрую поклажу в машину и уехал, она осознала, что его долго не будет рядом. Внезапно нахлынули жалость к жене и досада на обстоятельства, что ему пришлось вот так оставить семью.

– Куришь, поди? Теперь вдали от меня и пилить будет некому...

– Да ладно тебе, не накручивай. Глядишь, следующей весной переберетесь ко мне в Муджин. Устроим Сэми в местный садик.

В трубке слышался смех:

– Да-да, только для начала пусть тебя назначат штатным преподавателем.

Пока в Муджине ему предложили временную ставку. Да и об этом, не будь у жены связей, не стоило и мечтать. Случай свел ее с однокашницей по женской высшей школе, у которой в родне как нельзя кстати оказался кто-то из управляющих интернатом «Чаэ», и жена, умеющая хорошо ладить с людьми, видимо, попросила подругу похлопотать за мужа. После окончания университета Кан Инхо какое-то время преподавал, однако вскоре вместе с приятелем занялся небольшим одежным бизнесом. И если бы не прошлогодний экономический кризис, накрывший весь мир, кто знает, возможно, этим воскресеньем он летел бы самолетом на их фабрику в Китае. Вспомнила про его преподавательский опыт опять-таки жена. К тому времени он уже шесть месяцев сидел без работы, и любым способом нужно было выкарабкиваться и искать хоть какие-то средства к существованию. Слава богу, перед окончательным крахом бизнеса они успели закрыть фабрику. Чудом было и то, что их квартира в пригороде Сеула не пошла с молотка. Однако срочные вклады с внушительными сбережениями уже давно пришлось закрыть, а также расторгнуть страховки.

Когда жена после встречи с одноклассницей впервые заговорила об этом, он на время потерял дар речи.

– Преподаватель? Преподаватель в спецшколе, говоришь? Еще и глухонемых детей! После университета у меня на руках корочка обычного преподавателя. Сто лет уже прошло; как я смогу кого-то учить?

Жена, глядя на него, расхохоталась:

– Все-таки у тебя напрочь отсутствует гибкость...

Остаток фразы – мол, именно потому и погорел его бизнес – она пробормотала невнятно, будто бы про себя. Но вспомнив, в каком подавленном состоянии в последнее время пребывает ее муж, она добавила уже гораздо мягче:

– Это же частная школа. Подруга сказала, если есть протекция со стороны генерального директора, проблем не будет. Мол, все таким образом сначала устраиваются, а потом на вечерних курсах при магистратуре повышают квалификацию. Она меня уверила, что все будет нормально. И зарплата хорошая, и график работы не сказать чтоб напряженный – ну где еще такое райское местечко отыщешь? Но ты все-таки в любом случае постарайся получить постоянное место преподавателя. А там, глядишь, может, появится шанс перевестись в Сеул, – с улыбкой на губах подытожила жена.

6

Машина Кан Инхо снова устремилась на юг. Сам-то он родился в Сеуле, и ему пока не представилось случая пересечь центральную часть полуострова. Поэтому он совершенно не представлял, как живут люди в тех краях. Знал лишь, что говорят они на характерном, несколько резковатом диалекте и добавляют в пищу много приправ – вот и все, поэтому юг страны он воспринимал как далекий географический объект. Однако с Муджином дело обстояло немного по-другому. Он вспомнил рассказ Ким Сынока «Путешествие в Муджин», и это пробудило нежеланные тени прошлого, о которых хотелось забыть. С тех пор как жена заговорила о городе под названием Муджин, воспоминания всплывали одно за другим, становясь все четче, – так корабль, приближаясь к гавани, постепенно вырисовывается в тумане.

– Знаете... Когда вы только стали нашим учителем и познакомили нас с рассказом «Путешествие в Муджин», я сразу поняла, что когда-то непременно настанет этот день, – проговорила Мёнхи, внезапно нагрянув к нему в часть и настояв на ночевке. Затем, под одеялом, она порывисто притянула его к себе, пока он мялся, не зная, как поступить. Приблизив свое лицо к его лицу, она спросила: – Та женщина, Ха Инсук. Как вы думаете, что с ней стало, когда главный герой уехал, не сдержав обещание, и она осталась в Муджине одна?

От тела Мёнхи веяло едва уловимым ароматом персика. Она была его ученицей в женской школе, где он какое-то время преподавал после окончания университета, так как повестка в армию запоздала. И вот Мёнхи появилась

перед воротами его части. Неумелый макияж явно говорил, что она хочет казаться старше своих лет.

– Не бойтесь, у меня это... не в первый раз.

Не она, а он трясся как осиновый лист. Мёнхи же, положив его замершие в нерешительности руки на свою обнаженную грудь, кажется, звонко рассмеялась. В ее смехе ощущалась некая развязность бывшего подростка, который многое повидал в этой жизни и уже успел распрощаться с идеалами юности, но его, Кан Инхо, это в принципе не касалось. Поэтому, отправив ее домой, среди бела дня он надрался до чертиков в автобусном терминале и вернулся в часть, что находилась неподалеку. Так он смог избавиться от угрызений совести, что назойливыми мошками донимали его. Не будь этих встреч с Мёнхи, нечастых, но доводящих до исступления, он, возможно, наставил бы на кого-нибудь дуло. И кто знает, не стал бы этим кем-то он сам.

Когда пришло время демобилизоваться, связь с Мёнхи прервалась. А вернувшись в Сеул, он узнал, что несколько месяцев назад она покончила жизнь самоубийством. Тогда у него в голове промелькнули ее слова:

– Та женщина, Ха Инсук. Как вы думаете, что с ней стало, когда главный герой уехал, не сдержав обещание, и она осталась в Муджине одна?

7

Вот и развилка с указателем «Муджин». Кан Инхо свернул – город ожидал его там, за перевалом. Однако с вершины ему открылось лишь необъятное море облаков, сбившихся в один огромный белесый ком, окутавший Муджин. Туман шевелился, будто белоснежные морские водоросли. Кан Инхо въехал в облако, словно в туннель с призрачными белыми стенами. Машину опутали тончайшие седые нити, похожие на космы ведьмы. Отчего-то ему вспомнилось, как давным-давно на летней рыбалке он чуть не утонул. Это ощущение чего-то склизкого и вязкого от опутавших его голые ноги водорослей, когда он занырнул в водохранилище, чтобы вытащить упавшую в воду удочку. Он перестал барахтаться, пытаясь выплыть сам, и кликнул на помощь приятеля, что рыбачил вместе с ним. Казалось, путы из водорослей высосали из него все соки. Силы разом оставили его. И хотя он неплохо плавал, тут все было бесполезно. Ему стало не по себе от этих воспоминаний, навеянных туманом. Даже шея внезапно

задеревенела от необъяснимого зловещего предчувствия, что любая неосторожность может привести к гибели. От напряжения пересохло во рту, он врубил аварийные фары экстренного торможения. Раздалось равномерное тиканье стоп-сигналов. Навигатор отдал распоряжение: «Зона густого тумана. Через километр поверните направо!»

Он послушно свернул.

8

Интернат «Чаэ» был окутан туманом. Проехав через главные ворота и намереваясь припарковаться, Кан Инхо увидел, что синяя иномарка, явно стоившая бешеных денег, собирается тронуться с места. Он хотел опустить стекло и заговорить, однако водитель синего авто, не обращая на туман абсолютно никакого внимания, вдавил педаль газа и на всей скорости скрылся за белой завесой. Единственное, что удалось рассмотреть сквозь стекло, так это облысевший затылок. Осторожно, почти на ощупь Кан Инхо припарковался на стоянке, окутанной туманом. Иногда с побережья налетал бриз, туман чуть-чуть редел, и смутно вырисовывались контуры огромного каменного здания интерната, однако почти сразу оно вновь исчезало в белой пелене.

Он вышел из машины. Затекшие плечи ломило, и виной тому была не четырехчасовая дорога до Муджина, а последние двадцать минут в городе, что заставили напрячь все его внимание. Он поднял правую руку и сделал несколько махов, после чего закурил. В это время неподалеку послышалось какое-то похрустывание, постепенно оно становилось ближе. Вскоре показалась фигурка маленькой девчушки. Коротко стриженная, невысокая и щуплая, с огромным пакетом в руках, она приближалась к нему из тумана, хстя чипсами.

– Эй! Послу... – обратился он к ней.

Но девочка была поглощена чипсами. Его вдруг осенило, что ведь это интернат для глухонемых детей. Ему стало смешно и неловко оттого, что он пытался заговорить. Но пока все это проносилось в его голове, девочка, видимо, наконец обнаружила его присутствие. Хруст чипсов постепенно смолк. Несколько неуклюже, на языке жестов, который начал осваивать перед поездкой, он попробовал поздороваться с ней:

– Привет, рад тебя видеть!

Он не успел опустить руки, как в глазах ребенка отразился неопиcуемый ужас, а изо рта вырвался нечленораздельный вопль, после чего девочка развернулась и бросилась прочь.

Он оцепенел и мог лишь провожать удаляющуюся фигурку взглядом. Вскоре туман поглотил ребенка, не оставив и следа. И только в ушах продолжал звучать жуткий, непередаваемый крик.

9

– ...Похоже, из-за тумана.

Инспектор Чан выслушивал донесение патрульного Кима, когда его сотовый завибрировал: пришло сообщение. Инспектор, вполуха слушая доклад, покосился на телефон и пробежал глазами сообщение: «Милый! Как ты мог? Я же говорила, что надо поскорее!»

Инспектор Чан, сам того не замечая, расплылся в улыбке, вспомнив белые бедра Мисук из кафе «Дикий цветок», – его пальцы до сих пор хранили ощущения от прикосновения к ним.

– Он же глухой, вот и не услышал гудок и, по всей видимости, не заметил приближение поезда.

– Это да... Туман и вправду стоял жуткий... – Поддакивая Киму, Чан усиленно стучал по кнопкам телефона: «Ну потерпи несколько дней. Хотя, что говорить, горячность тебе к лицу... Хочешь, сегодня после работы угощу тебя саннакджи?»[1 - Блюдо из сырого осьминога. – Прим. пер.]

Когда он наконец нажал кнопку «Отправить сообщение», у патрульного Кима на губах промелькнула усмешка. Инспектор Чан неторопливо вернул сотовый на стол и, зная, что Ким смотрит на него, несколько наигранно, с задумчивым видом обхватил голову руками.

– Ничего подозрительного не нашли?

– Несчастный случай же, что там может быть... Правда, в кармане брюк мальчонки обнаружили вот это...

Патрульный Ким выложил на стол перед Чаном запечатанный полиэтиленовый пакет, а внутри, судя по всему, – вырванный из маленького блокнота листок, испачканный в крови.

– Там записаны имена – Ли Гансок и Пак Бохён. А поверх все перечеркнуто крестами.

Внезапно уголки глаз инспектора Чана, погруженного в воспоминания о Мисук из «Дикого цветка», дрогнули. Все-таки он был ветераном в своем деле. И его опыт расследований, опирающийся уже по большей части на инстинкты, позволил уловить в словах Кима какой-то запах. Чан внимательно вгляделся в окровавленную записку, упакованную в пакет. Ли Гансок – это директор интерната «Чаэ». А Пак Бохён, если ему не изменяет память, являлся куратором по внешкольному образованию в общежитии того же заведения. Однажды он видел его на каком-то междусобойчике. Они приехали вместе с Ли Гансоком, и этот человек со скользким взглядом и мрачным лицом, несмотря на открытое пренебрежение со стороны Ли Гансока, беспрестанно кланялся и угодничал, так что Чан тогда еще подумал, до чего мерзкий тип. Именно поэтому он врезался ему в память. Да, точно, его звали Пак Бохён!

– Хорошо, можешь идти. Я сам свяжусь с интернатом.

Провожая взглядом Кима, он снова стал тыкать кнопки сотового: «Я все улажу, подумаешь, каких-то три миллиона вон...»

Инспектор Чан внезапно почувствовал умиротворение. Недаром жена как-то обозвала его большим везунчиком – это действительно так. Когда возникала нужда, обязательно что-нибудь да происходило и оборачивалось для него выгодной стороной. Перед его глазами всплыл труп воспитанницы интерната «Чаэ», что упала в море с обрыва на краю стадиона в прошлом месяце, когда туман был особенно непроглядным. Поезд и обрыв – за два месяца уже двое. Падение с обрыва оформили как несчастный случай, и нынешнее происшествие, скорей всего, попадет в подобный разряд. Ведь всему виной этот проклятый муджинский туман. Бросив взгляд за окно полицейского участка, он расплылся в улыбке. Туман потихоньку рассеивался, и во дворе начали проступать очертания

машин. Что ж, иногда даже этот осточертевший туман играл на руку. Вот так и в жизни: если действовать осмотнительно, то что угодно может пригодиться.

10

Хоть поклажа была и небольшая, но переезд – это переезд. Пока все на своих местах, то вроде бы и ничего, а стоит вытащить наружу – хлам, да и только. В Муджине Кан Инхо поселился в съемной квартирке площадью в сорок квадратов и теперь разбирал свое скромное хозяйство: кастрюля, кружка, стакан и пара тарелок – вот и вся утварь. Расставив все аккуратно в буфете и установив ноутбук на кухонном столе, он наконец реально ощутил, что уехал из дома и начал новую жизнь. Настроение, навеянное простотой и новизной, было приподнятое, как в студенческие годы, когда он заглядывал к приятелю на съемную квартиру.

Раздался звонок в дверь. Как он и ожидал, пришла Со Юджин.

– Надо же, и вправду приехал! Кто знал, что увижу тебя вновь, да еще и в таком месте! Рада встрече!

Она протянула ему руку, опуская на пол пакет со стиральным порошком и другими мелочами, что принесла в подарок. Некоторое время они стояли, держась за руки и улыбаясь. В университете она училась курсом старше. Еще в Сеуле от однокашника он узнал, что Со Юджин осела в Муджине. Кан Инхо сначала списался с ней по электронной почте, потом они стали обмениваться сообщениями по телефону, и именно она выхлопотала для него это жилье. Однако лицом к лицу они встретились впервые за почти десять лет после выпуска. Он пытался отыскать в ней ту хрупкую студентку с короткой стрижкой, какой ее запомнил. Однако от прежней Юджин ничего не осталось – перед ним стояла женщина средних лет, на ее лице отразилась вся череда испытаний, через которые ей пришлось пройти.

– Со Юджин развелась. Одна поднимает двоих детей. Говорят, младшая чем-то серьезно больна. Несладко ей приходится... – рассказывал однокашник, который в свое время страдал от неразделенной любви к ней. Он напился вдрызг и сетовал, чуть не плача: – До чего нелепо! И почему только красивым, умным, хорошим женщинам непременно попадают какие-то придурки, чтобы потом мучиться всю жизнь...

– Эй, старик! Ты на свою жену посмотри, вот уж кому действительно не повезло!

В конце концов Кан Инхо перевел все в шутку, на самом деле эмоции захлестнули его – кого угодно расстроят подобные невеселые новости, и уж тем более от однокашника. Поражение мужа на политическом поприще, появление на свет ребенка с врожденным пороком сердца и, как следствие, постоянная нехватка денег. Ему было неизвестно, каким образом она оказалась здесь в Муджине. Однако вот она перед ним, в чужом городе, на пороге нового жилища. Он смотрел на ее миловидное лицо с тонкими и правильными чертами, и неожиданно в памяти начал вырисовываться образ той юной и свежей девушки со студенческой скамьи. Благодаря ее присутствию Муджин стал немного ближе и понятнее, беспросветный туман уже не так давил на психику, и постепенно уходили напряжение и скованность.

– Я переживала из-за крошечного тумана – семь потов, поди, сошло, пока доехал? Имей в виду, к туману в Муджине надо привыкнуть. Вон, гляди, потихоньку рассеивается.

Она подошла к окну и замерла, скрестив руки на груди. Глядя ей в спину, он вдруг осознал, до чего же она миниатюрная.

– Моя квартира вон там! Под самой крышей, где горит свет, – проговорила Со Юджин, кивнув на дом напротив.

В воздухе еще клубился туман, и видно было смутно, однако он примерно понял, где находится ее квартира. Неожиданно для самого себя Кан Инхо задался вопросом, сколько всего окон в ее квартире. Когда-то в прошлом чистенькая белая многоэтажка успела кое-где облупиться, а окон было всего два.

– Мы вчетвером живем, с мамой и детьми. Родители золовки тоже в Муджине, вот брат и перебрался поближе к ним, начав свое дело, а я хвостиком увязалась за ним. Надо было, чтобы кто-то присматривал за матерью. Да и из Сеула хотелось сбежать подальше.

Последние слова она произнесла нарочито бодрым тоном, и он понял, что в нынешних обстоятельствах как минимум из вежливости ему стоит поверить в это ее «я не несчастна».

– Ты ведь не ужинал? К нам пойдем или куда-нибудь?..

Они встретились впервые за много лет, и, по идее, полагалось пригласить старого университетского товарища домой, однако размытая концовка вопроса выдала ее неуверенность.

– Давай куда-нибудь сходим. Заодно и город посмотрю.

Похоже, его ответ снял груз с ее сердца – она широко улыбнулась, на одной щеке появилась ямочка. Он сразу вспомнил эту ее особенность и, пускай всего лишь на какие-то доли секунды, представил, будто Со Юджин – его девушка, заглянувшая к нему, двадцатилетнему юноше, в гости на съемную квартиру. Настроение у него заметно поднялось, и он решил, что не такое уж мрачное будущее ожидает его здесь, в Муджине. К тому же его охватил некий трепет, которого он не испытывал уже долгое время. И ему не хотелось упустить это сладостное ощущение легкости и радостного предчувствия, овладевшего им в этот момент.

11

Они вышли на улицу. Стоило отойти друг от друга на три-четыре шага, как пространство между ними заполнялось туманной мглой – уже не такой густой и непроглядной, скорее похожей на слабый дымок от затухающего костра. Был ранний вечер, но казалось, что город только-только пробуждается ото сна, приходя в движение. То там, то здесь зажигались огни, однако от этого улицы не становились наряднее. Надо всем витал дух ветхости и какой-то безнадежности, унылые здания вдоль побережья больше напоминали временки, готовые вот-вот рухнуть под ударами морской стихии. Показалась шумная стайка девчонок лет шестнадцати-восемнадцати в мини-юбках и довольно откровенных кофточках с глубоким вырезом, в длиннющих ботфортах не по сезону. Громко щебеча, они спускались по лестнице в цоколь здания с вывеской «Караоке-бар». Бродячая кошка выискивала съестное в драном мусорном пакете, но, почувствовав взгляд, настороженно выгнула спину. В конце проулка у стены полоскало в стельку пьяного юнца.

В этот момент какая-то девушка крошечного роста, с длинными, явно ненатуральными локонами и выставленной напоказ грудью подошла к Кан Инхо и потянула за рукав:

– Эй, парень! Не хочешь чуток развлечься?

Шестым чувством он понял, что девчонке от силы лет пятнадцать, и молча высвободил руку. Он зашагал вперед, потом остановился и обернулся, ощущая на себе взгляд Со Юджин. Снова тронулся с места, однако девчонка опять преградила ему дорогу. Ее черные, чуть косоватые глаза странно блестели, источая необъяснимую плотскую чувственность. И хотя макияж был чересчур броским, дурнушкой она не казалась. Он попытался обогнуть ее, но она уткнулась лицом ему в грудь и принюхалась. Он хотел оттолкнуть ее, но девчонка проговорила:

– Ух ты! А от тебя пахнет Сеулом. Свежо и приятно.

Она гоготнула, и Со Юджин с каменным лицом подошла и, схватив его за полу пиджака, увлекла за собой в сторону проспекта.

– Прости. Думала, ты голодный, и решила сократить путь – вот и завела тебя сюда, – кусая губы, сказала Со Юджин.

Она сконфузилась, словно вынесла на всеобщее обозрение нечто постыдное из собственного прошлого. Кан Инхо понимал, что это характерная черта многих скромняг-отличников, которые в своей простодушии полагают, что всегда за все в ответе. А также поймал себя на мысли, что наверняка именно наивность послужила одной из причин ее нынешних мытарств.

– Чего ты извиняешься? Ты что, владелица всех борделей и кабаков на этом свете? – шутливо поддел он ее, и она рассмеялась в ответ, убирая за ухо выбившиеся волосы.

– В Муджине ничего не производится. Конечно, это звучит: город с богатой историей. И что с того, что когда-то в прошлом он был Меккой демократического движения? Сегодня это всего лишь пришедший в упадок захолустный городок. Что толку молодым от прошлого, если после окончания университета некуда податься?

Уже когда они сидели друг напротив друга в ресторанчике, где жарят самгепсаль[2 - Любимое блюдо корейцев – жареные полоски свинины с двумя

прослойками сала. – Прим. пер.], он почувствовал: она жалеет, что пришлось осесть в этом месте. Но ведь и он оказался здесь потому, что больше некуда было деваться. Его лицо на мгновение омрачилось. Она же протянула ему визитку. Перед именем была указана должность Со Юджин: штатный администратор муджинского центра по правам человека.

– Чего смеешься? – спросила она, заметив, как он разглядывает визитку.

– Да просто сто лет не слышал этого сочетания: «права» и... «центр».

Внезапно на Кан Инхо навалилась усталость. Неужто это тоже можно назвать профессией, подумалось ему, и одновременно перед глазами промелькнули узкие окна-бойницы в обветшалом доме Со Юджин – всего два в ее квартире. От легкого трепета, что он испытал при первой встрече с ней, не осталось и следа. И на ее вопрос, почему он решил стать учителем в школе для глухонемых, он с иронией ответил: мол, хочу принести хоть какую-то пользу этому миру. Однако она, похоже, не уловила в его словах издевку: посмотрела с уважением и одарила поощрительной улыбкой, словно младшего брата, которым она гордится.

– Ты молодец! Кстати, помнишь, эта девица сказала, что от тебя пахнет Сеулом... Стыдно признаться, но сегодня, когда я увидела тебя впервые, у меня пронеслась подобная мысль. За три года жизни здесь я успела превратиться в провинциалку, – простодушно улыбнулась Со Юджин, разливая соджу[3 - Соджу – рисовая водка. – Прим. ред.] по рюмкам.

Он вдруг подумал, хорошая ли была идея поселиться с нею в одном жилом комплексе.

12

В свой первый рабочий день в коридоре он столкнулся с мужчиной в коричневой куртке, тот выходил из директорской, куда как раз направлялся Кан Инхо в сопровождении зама. Их глаза встретились, мужчина моментально прозондировал новичка с головы до пят. Только Кан Инхо подумал, какой необычно цепкий взгляд у этого типа, как зам принялся радушно приветствовать «коричневую куртку»:

– О! Какие люди! Неужто сам инспектор Чан? А я как раз с утра директору докладывал. Дети наши, понимаете ли... Говоришь им по воскресеньям не покидать стен школы без разрешения, так ведь не слушаются. Вот и результат... Что тут поделаешь? Мы-то со своей стороны предпринимаем все усилия, смотрим за ними, а им хоть кол на голове...

Тирада зама прозвучала несколько наигранно, напоминая речь актера из мыльной оперы. Кан Инхо не очень понял, что он имел в виду, но расценил монолог так, словно зам открытым текстом заявил: «Да, за это должен отвечать я, но на самом деле это не моя вина».

– Да что толку говорить? Они же все равно ничего не слышат!

И оба, будто от весьма остроумной шутки, разразились хохотом. Смех тоже прозвучал несколько натянуто. Кан Инхо молча стоял в сторонке. Судя по всему, речь шла о здешних воспитанниках – достаточно было соотнести слова «дети» и «не слышат», – но он засомневался. Пусть даже ты заведешь подобным учреждением не из побуждения принести хоть какую-то пользу этому миру, как он выразился во вчерашнем разговоре с Со Юджин, все же реплики звучали довольно оскорбительно.

– Вот я и прилетел на всех парусах, понимая, как переживает директор.

– Особых трудностей, надеюсь, не возникнет? Я хочу сказать, лишние проблемы нам не нужны... – произнес зам, почесывая лысую голову.

Пока Кан Инхо без особого интереса следил за диалогом, у него вдруг пронеслась мысль: уж не зам ли, случайно, тот самый лихач из синей иномарки, что нырнула на всей скорости во вчерашний туман?

– Вы уж уладьте все как надо. А то у нас и без того голова пухнет от бесконечных проверок да комиссий.

– Да чего там улаживать-то? Несчастный случай же! Туман был хоть глаз выколи, даже сам машинист, похоже, не понял, что произошло. А ежели машинист, находившийся непосредственно на месте происшествия, и тот не заметил, то как вы, учителя, смогли бы это предотвратить? Вот так мы на это и смотрим. Не переживайте! В прошлом месяце я же все уладил, не правда ли?

На последних словах инспектор Чан многозначительно улыбнулся, а зам вдруг побледнел, но тут же, хохотнув, ляпнул ни с того ни с сего:

– Да уж, только благодаря вам мы и можем спать спокойно!

Кан Инхо подошел к двери с табличкой «Директор Ли Гансок». Директор обтирал руки носовым платком – видимо, только что вышел из туалета. Он тоже был лысоват. Кан Инхо непроизвольно обернулся к заму. Ему почудилось, что один и тот же актер исполняет две разные роли – до того их лица были похожи! Эти двое – директор Ли Гансок и зам Ли Ганбок – были однойцовыми близнецами.

13

За спиной директора с портрета в огромной позолоченной раме какой-то мужчина, сидящий вполоборота, взирал на Кан Инхо. Подпись гласила: «Основатель интерната “Чаэ”, уважаемый педагог Ли Джунбом (псевдоним Пэсан)». Значит, Ли Джунбом – это основатель и генеральный директор интерната, а близнецы Ли Гансок и Ли Ганбок – его сыновья.

И хотя они были на одно лицо, впечатление производили совершенно разное. Может, потому что директор был облачен в темно-коричневую тройку, а его зам носил простую серую трикотажную кофту. Разумеется, с годами род занятий человека отпечатывается на его внешности. И когда Кан это осознал, наконец стал воспринимать их как двух разных человек.

– Как я понял, моя племянница из Сеула приходится близкой подругой твоей жене.

Речь директора была ровной и, в общем-то, как и ожидалось, высокомерной. Хотя нет, даже сверх ожидаемого: он процедил фразу, почти не глядя на посетителя, перелистывая газету на письменном столе. Обращение на «ты» можно было трактовать по-разному, но Кан Инхо расценил тыканье как презрительное: мол, приехал тут невесть кто, ухватившись за связи благоверной... Однако он вспомнил, что утром во время бритья дал себе слово довольствоваться размеренной жизнью обывателя, который из месяца в месяц живет в ожидании полочки. Он мысленно вернулся в те времена, когда затеял хоть и небольшой, но все же свой бизнес в Китае. Каждый раз, когда

приближался срок выдачи жалования работникам, он страшно нервничал. По идее, сейчас ему следовало бы возблагодарить судьбу за шанс жить относительно спокойно, как бы унижительно это ни звучало. За все надо платить, в том числе за право работать здесь. Кан Инхо смиренно склонил голову и выдавил нечто наподобие улыбки.

– Дотации на соцобеспечение с приходом нового правительства постоянно сокращаются, а нам и без того-то тяжело – на детей много уходит...

Директор постучал свернутой газетой, которую толком и не просмотрел. Зам тут же поднялся с места и взглядом дал понять Кан Инхо, что пора на выход. Он в замешательстве встал вслед за замом. Его именем не поинтересовались и даже не пожали руку... Он почувствовал себя уязвленным. Директор, глянув на часы, нажал кнопку вызова секретаря и несколько раздраженно проговорил:

– Скажи учителю Чхве из компьютерного класса, чтобы поскорее принес, что я просил. Мне до обеда выезжать, так что поторопи его!

Видимо, произошло что-то экстраординарное. Кан Инхо решил списать дурное расположение духа начальства именно на это.

Когда они вышли в коридор, зам, подойдя к окну, развернулся лицом к Кан Инхо и, подождав, пока тот приблизится, выставил большой палец. Ответом ему был лишь недоуменный взгляд снизу вверх. Зам показал расправленную ладонь. Предполагая, что таким образом пытаются протестировать его знание языка жестов, Кан Инхо, запинаясь, пробормотал:

– Видите ли, я так понял, что вроде бы необязательно в совершенстве владеть сурдоязыком... Но я приложу все усилия, чтобы научиться. Для начала буду общаться с детьми в письменной форме.

Рот зама перекосялся.

– Ну надо же, какой выискался – с двух раз не понимает! Обычно требуется одна большая бумажка, но раз супружница твоя в тесной дружбе с сеульской племянницей, то обойдемся пятью маленькими. В течение месяца принесете в мой кабинет. Банковские чеки не принимаются.

К лицу тридцатитрехлетнего Кан Инхо резко прилила кровь.

14

В общем-то, он знал, что стоит лишь проглотить пилюлю унижения, начинается настоящая жизнь. Однако после встречи с братьями Ли Гансоком и Ли Ганбоком он испытывал непередаваемые смятение и стыд, как в ночном кошмаре, где голышом расхаживаешь посреди многолюдной улицы. И непонятно почему ему вдруг показалось, что от стоящего напротив Ли Ганбока несет чем-то зловонным. Ему мерещился то ли отвратный дух загнанного зверя, то ли затхлый запах ржавчины от затонувшего судна, извлеченного с морских глубин. Стало страшно от предчувствия чего-то варварски грубого, что навалилось на него этим утром, которое вообще-то должно было знаменовать начало новой жизни.

– Что ж, а теперь в класс! Пойдемте!

Он пошел вслед за замом. Внезапно ему припомнилось, что некогда о чем-то подобном полусшепотом говорили устроившиеся в частные школы однокашники. Кажется, это пафосно обставляли как «фонд развития школы». В памяти всплыли и слова жены:

– Говорю тебе, я сама все улажу. А тебе главное – добиться места штатного преподавателя.

В курсе ли жена, что «улаживание» предполагает взятку? Шагая по длинному коридору, он спросил у себя, а подходит ли это место для него. Молодой Кан Инхо ответил, что приехать сюда было слишком поспешным решением. Старый Кан Инхо ворчливо возразил, что на съем квартиры в Муджине уже потрачена немалая сумма, а значит, вернуться в Сеул будет не менее позорно, чем вручить «пять маленьких бумажек». Кан Инхо нынешний заявил, что это был единственно возможный выбор. Старик подытожил: так поступают все, чтобы выжить, – раз нет возможности унаследовать императорскую корону и обширные земли...

Неожиданно ему показались слишком громкими его собственные шаги, гулко отдающиеся от стен в коридоре. Ах да! Просто в школе слишком тихо. Точно. Здесь нет звуков.

Ему почудилось, что он погрузился глубоко под воду.

– Они хоть и семиклассники, но знаний ноль. Главное, следите, чтобы не набедокурили, а обучение – дело второстепенное, – процедил сквозь зубы зам перед дверью с табличкой «7 класс».

С самого начала он через раз то тыкал, то выкал, но, судя по всему, это было проявлением не грубости, а скорее невежества и неумения различать речевые стили. Но как можно напутствовать вновь прибывшего учителя словами, что важно не обучать, а следить, чтобы не бедокурили?.. Вообще, события этого утра, начиная со встречи с директором, привели Кан Инхо в замешательство. Перед тем как зайти в класс, он набрал побольше воздуха.

Зам открыл дверь. Ребята не заметили вошедших: собравшись в кружок, они что-то оживленно обсуждали на своем языке. Приглядевшись повнимательней, Кан Инхо увидел, что они обступили одного ученика: тот плакал, уткнувшись головой в парту. Зам потянул за шнур возле доски, и тут же под потолком, словно дискотечная цветомузыка, закрутилась красная лампочка. Дети разом обернулись. Из-за красного освещения казалось, что глаза их налиты кровью. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Кан Инхо уловил на лицах вздымающуюся волну ненависти. Непроизвольно ему захотелось отступить на шаг.

Зам крупными буквами написал на доске: «Кан Инхо». И снизу подписал: «Классный руководитель, корейский язык». Лица ребят, глядящих на него, ничего не выражали, напоминая застывшие белые маски.

15

– Добрый день! Рад встрече. Меня зовут Кан Инхо, – с расстановкой, на бедном языке жестов заговорил он, как только вышел зам.

В классе он заметил вчерашнюю девочку с чипсами, которая повстречалась ему у школы и так стремительно убежала.

Когда ребята увидели, что он пусть и неумело, но все же пытается говорить с ними жестами, по их каменным лицам будто пробежала волна. Неплохое начало.

Мысль о том, что дети – они и в Африке дети, в какой-то степени разрядила его напряжение. Он написал на доске стихотворные строчки:

Во мраке поджигаю спички три:

И первая – в желании разглядеть твое лицо.

Вторая – разглядеть глаза твои,

А третья – всмотреться в губы...

Чтобы потом в кромешной тьме

Обнять тебя и вспоминать все черточки родные.

Жак Превер. «Париж ночью»

Затем вытащил из заранее приготовленного спичечного коробка три спички и, зажигая их по одной, зачитал стихотворение на языке жестов. Каждый раз, зажигая спичку, он руками показывал на лица, глаза и губы ребят, отчего их застывшие лица постепенно стали проясняться, как будто отмывали мутное стекло, и на щеках потихоньку заиграл румянец, словно изображение на экране из черно-белого превращалось в цветное. Кажется, эта небольшая поэтическая инсценировка, которую он приготовил на всякий случай, значительно сократила дистанцию между ним и детьми. В нем начала расти уверенность, что он сможет поладить с ребятами, и зловещие предчувствия, навалившиеся на него с утра, стали понемногу отпускать. Он присмотрелся к мальчишке, который только что плакал за партой. Зрачки были чернее ночи. Кан Инхо улыбнулся ему. Но мрак в глазах парнишки не рассеялся. Он вдруг задвигался, словно под гипнозом, и что-то показал на языке жестов. Его движения, сначала медленные, постепенно убыстрялись, мальчик яростно жестикулировал и издавал пронзительные высокие звуки, отдаленно напоминающие взвизгивание. Бледное лицо пошло красными пятнами, выражение отчаяния росло с каждой секундой. Но это единственное, что Кан Инхо смог разобрать со своими скудными познаниями языка жестов. Когда на лице учителя отразилось сожаление, руки паренька замерли в воздухе – видимо, до него дошло, что учитель не понимает его. Промелькнувшая на мгновение в глазах ребенка искорка надежды снова потухла. Мальчишка низко опустил голову, по осунувшемуся лицу стекали ручейки слез, и Кан Инхо, не отдавая себе отчета, приблизился к нему и протянул платок. Мальчик не пошевелился. Тогда Кан Инхо сам промокнул мокрые щеки. Глаза, полные слез, устремились на учителя. Но в них уже не светился отчаянный призыв – осталась лишь черная бездна.

Кан Инхо вернулся к доске и встал спиной к классу. И тут произошло удивительное! Неожиданно он ощутил, как дети позади него перешептываются на языке жестов. Это тоже было своеобразное восприятие звуков. Он написал следующее: «Простите меня. Пока что у меня плохо получается, но даю слово, до наступления зимних каникул я буду свободно общаться с вами на языке жестов!»

Когда он развернулся к ребятам, одна ученица подняла вверх белый лист бумаги. На нем было огромными буквами написано: «Вчера погиб его младший брат». На лице девочки сквозило опасение, правильно ли она поступает. Он не успел что-либо ответить, как другой ученик поднял лист бумаги: «Мы знаем, кто убил его».

16

– Смерть под колесами поезда. Иногда, когда туман особенно густой, такое случается, – пояснил ему в учительской преподаватель Пак.

– Но ведь... ведь ребенок погиб, а в школе слишком уж...

Он хотел сказать «тихо», но умолк на полуслове. Нет, «тихо» не подходит. Он призадумался, как же можно выразить это ощущение: чересчур спокойно? Умиротворенно? А может, жутковато?.. Да, правильно, здесь как-то жутковато. Он внезапно осознал, что именно это определение более всего подходит к интернату «Чаэ».

– Знаете, дети говорят странные вещи. Что погибший вчера ребенок, как бы это сказать... Что это не был несчастный случай, а...

– Вы, помнится, говорили, что это ваш первый опыт в подобном заведении? – прервал его учитель Пак.

Вопрос был задан вроде бы нейтральным тоном, однако во взгляде читалось неприкрытое презрение и одновременно жалость. Стоп, так не пойдет. Он приехал в Муджин только вчера и уж слишком болезненно все воспринимает. Нужно думать в позитивном ключе. «Сила позитива!» – мысленно произнес он

любимую приговорку жены. И неожиданно для самого себя изобразил на лице самую что ни на есть дежурную, натянутую улыбку.

– Со временем, поработав здесь, вы поймете, что по сравнению с другими инвалидами у глухонемых крайне выражен синдром жертвы. К тому же они ко всему относятся настороженно – доверяют только своим. Если считать народом тех, кто говорит на одном языке, то глухонемые – это народ, говорящий на языке жестов. Да, на лицо они не отличаются от нас, но это другой народ. Понимаете? Иная культура! С чуждым нам языком и отличными от наших нравами... Кстати, имейте в виду, что вранье – это их любимое занятие.

В голосе Пака чувствовалась ледяная враждебность, как если бы ты протянул руку для приветствия, а ее резко оттолкнули. По спине пробежал холодок, как и вчера, когда он внезапно оказался в тоннеле со стенами из тумана. Лицо Пака заслонили черные как ночь глаза мальчишки, устремленные в самую душу. И снова на доли секунды в них вспыхнула отчаянная мольба.

– Я слышал, вы приехали из Сеула на должность временного преподавателя, а раз так, то отработайте положенный срок и возвращайтесь подобра-поздорову. Мне кажется, вы здесь не приживетесь.

Пак говорил это, уставившись в монитор компьютера, кликая мышкой и перескакивая в интернете с одной страницы на другую. На последних словах он окинул взглядом Кан Инхо, и в его глазах можно было прочесть, что он не шутит. Кан Инхо опешил и невнятно пробормотал:

– Ну не знаю, раз уж оказался здесь, то...

В глазах Пака отразилась жалость.

Зазвонил его телефон. Это была жена. Приложив трубку к уху, Кан Инхо вышел из учительской. Ребята, уже успевшие переодеться после уроков, стайкой расселись на скамейках у края спортивной площадки. Кан Инхо, оставив учебный корпус позади, направился в самый конец стадиона.

– Ну как? Урок хорошо прошел? Хоть не зря дома упражнялся в языке жестов?

Жена была настроена благодушно. Выдав из себя «ага», он вспомнил, как последние шесть месяцев каждый божий день она покупала соевые ростки и, разделив их на две части, из одной варила суп, а оставшиеся добавляла к рису на ужин; на следующий день повторялось то же самое. Он подумал, что после всего этого не сможет заикнуться о «пяти маленьких бумажках». Как вдруг жена сама заговорила об этом:

– Тебе, наверно, уже сообщили о фонде развития школы? Я попросила родителей подсобить и сегодня отправила тебе на книжку.

Кан Инхо уже пересек стадион, упирившись прямо в отвесную скалу. У подножия этой нерукотворной крепости протянулась широкая полоса морской отмели, а за нею, должно быть, раскинулось море. Сейчас из-за отлива его не было видно, но раз говорят, что оно есть, значит, где-то там вдали оно непременно существует.

Прежде чем ответить жене, собираясь с мыслями, он окинул взглядом прибрежную полосу. Она напоминала панцирь огромного пресмыкающегося, а оставшиеся местами лужицы поблескивали на солнце, словно фольга.

– Когда ты узнала... что нужно вносить такие деньги? – спросил он, изо всех сил стараясь не повышать голос. От этого вопрос прозвучал приглушенно, и в нем сквозило явное раздражение, которое резануло даже его.

– Я собиралась сказать тебе перед отъездом...

В голосе жены слышались плаксивые нотки, однако он так вымотался, пытаясь избавиться от чувства стыда и унижения, преследовавшего его с самого утра, что ему было совсем не до ее обид.

– Почему ты не поставила меня в известность? Если бы я знал о таком условии, то вообще бы не согласился приехать сюда.

Жена не сразу ответила. Где-то в груди он почувствовал жжение, словно от жгучего пластыря. Он уставился на раскинувшуюся до горизонта морскую отмель, стараясь сосредоточиться на солнечных лучах, отливающих серебром в лужицах воды, на зарослях тростника. Он с усилием сглотнул.

– А у тебя были какие-то другие варианты, кроме этого места? – на удивление спокойным голосом спросила жена.

Если бы она заплакала или взвизгнула, взяв на октаву выше, как это обычно делают женщины, бросаясь в атаку, то, возможно, он вступил бы в перепалку и вылил на нее весь тот стыд и унижение, что испытал в кабинете директора утром. Однако после ее невозмутимой реплики он почувствовал, как его охватило полнейшее бессилие.

– У меня к тебе претензий нет. Да, шесть месяцев ты просидел без работы, но ты прекрасно справлялся с ролью мужа. И был хорошим отцом. Однако порой мне нелегко смириться с твоей излишней щепетильностью в обыденных вопросах. Ну прямо-таки наставник-моралист. Вклад в фонд развития школы – что в этом плохого? Будь у нас деньги, кто знает, возможно, мы бы по своей собственной инициативе оказывали помощь детям-инвалидам. Почему бы и не вложить деньги в подобный фонд? К тому же, один раз закрыв глаза и заплатив некоторую сумму, разве ты не выигрываешь много приятных бонусов? Неужто ты думал, что в нашем мире так просто заполучить место преподавателя?

У него зашипало в глазах. Слушая жену, он по-прежнему смотрел на отмель, сморщившись, словно от слепящего солнца. Если они продолжают в том же духе, то, сто к одному, в конце концов закидают друг друга жалкими колкостями и обвинениями, как неразумные дети. Встав на самом краю отвесного утеса, он с расстановкой произнес:

– Прости. Я думал только о себе.

Он почувствовал, как жена замерла: слишком внезапно он капитулировал. А через некоторое время послышались всхлипывания.

– Пожалуйста, больше не заставляй меня терпеть унижения... – Хлюпая носом, она добавила: – И еще. С завтрашнего дня Сэми будет ходить в детский сад. Я устроилась на работу. Не спрашивай куда. И не спрашивай зачем. Нет, это не панель, и это не противозаконно.

Он снова взглянул вниз с утеса. И подумал, что это очень подходящее место, чтобы умереть.

Учителя, закончив работу, разошлись по домам, а Кан Инхо все сидел в учительской. Он открыл папку с личными делами учеников, чьим классным руководителем был назначен. Из двенадцати двое приходили в школу из дома, остальные жили в интернате.

Глухонемых детей можно разделить на две категории: дети, у которых хотя бы один из родителей глухой, и дети, у которых оба родителя не страдают глухотой. В первом случае глухота является наследственной, во втором – приобретенной в результате различных заболеваний, которые приводят к повреждению слухового нерва или среднего уха. Он отыскал личные данные паренька, что сегодня плакал.

ФИО: Чон Минсу,

2-я группа инвалидности по слуху

Данные о семье:

Отец – 1-я степень олигофрении

Мать – 2-я группа инвалидности по слуху, 2-я степень олигофрении

Младший брат Чон Ёнсу – 2-я группа инвалидности по слуху, 3-я степень олигофрении

Место жительства: маленький удаленный остров. Из-за труднодоступности воспитанник даже во время каникул практически не бывает дома. Требуется особая опека.

Теперь он, кажется, начал понимать, отчего гибель ребенка не наделала шума. Перед его глазами снова возник полный призывного отчаяния взгляд Минсу. Надо бы попросить учителя Пака перевести, что пытался сказать ему ребенок. Если и в самом деле произошел несчастный случай, нужно оградить детей,

считающих это убийством, от беспочвенного страха. Однако, как ему стало известно, практически никто из тридцати пяти учителей не владел языком жестов. Он даже чуть было не спросил, как же в таком случае они учат детей. Но атмосфера этой школы – то ли скверный запах, то ли запредельная тишина – не позволила ему открыть рот.

Он перевернул страницу. Ученицу, что вчера хрустела чипсами, звали Юри.

ФИО: Чин Юри,

множественная инвалидность: 2-я группа инвалидности по слуху, осложненная 3-й степенью олигофрении

Данные о семье:

Отец – 2-я группа инвалидности по слуху, 3-я степень олигофрении

Мать – местонахождение неизвестно, фактическим опекуном является бабушка

На каникулах изредка посещает дом, расположенный в труднодоступной местности, однако не более чем на два-три дня. Может увязаться за любым человеком, аппетит повышенный. В условиях проживания в общежитии требуется особая опека.

Он вспомнил хрустевшую чипсами ученицу, что вынырнула из тумана. Щупленькая девочка маленького роста. Стоило с ней заговорить, как она с диким воплем убежала. Именно с этим нечленораздельным криком у него ассоциируется утопающий в туманной мгле интернат «Чаэ».

Он вновь перевернул страницу. Ученицу, что сегодня в классе написала на листке бумаги «Вчера погиб его младший брат», звали Ким Ёнду.

ФИО: Ким Ёнду,

2-я группа инвалидности по слуху

Данные о семье:

оба родителя в норме

Жила сравнительно благополучно, однако после краха бизнеса и затяжной болезни отца с седьмого класса постоянно проживает в общежитии интерната. Довольно смышленная девочка. Очень чуткая и отзывчивая, хорошо заботится об одноклассниках. Особенно близка с Чин Юри, у которой наблюдается самая высокая степень умственной отсталости.

Оказывается, жизненные обстоятельства ребят были гораздо сложнее, чем он думал. Реальность расходилась с его представлениями: дескать, ну инвалидность, и что такого... Эти дети были выброшены в мир, лишённые самой важной способности для выживания, вдобавок часто ситуацию усугубляли трудности в семье. Лев, родившийся без когтей, олень без ног, тугоухий заяц, обезьяна, потерявшая лапу...

Кан Инхо не считал себя везучим по жизни, счастливым или особо одаренным. Однако сегодня, приступив к обязанностям классного руководителя и поняв, в каких условиях живут его ученики, внезапно он ощутил, как его сердце переполняется неведомым раньше чувством. Как бы это выразить... После недавнего разговора с женой о «пяти маленьких бумажках» его одолело безнадежное отчаяние, будто он оказался на краю пропасти. Поэтому нельзя было сказать, что сейчас он был готов ликовать от счастья и благодарности, но как минимум в нем укрепилась решимость не сгущать краски, превращая все в трагедию. Он вытащил телефон и набрал жене сообщение: «Побалуй себя с Сэми на ужин чем-нибудь вкусным! Прости меня за все, а еще – я люблю тебя!»

Он навел порядок на столе и встал с места. Все-таки хорошо, что послал примирительное сообщение. Жена наверняка все еще переживает из-за их разговора, и он действительно искренне желал, чтобы она и Сэми порадовали себя чем-нибудь вкусным и горячим. Он подумал, что с каждой зарплаты нужно немного откладывать, и как только накопится достаточная сумма, их маленькая семья из трех человек соберется за ужином в уютном свете кухонного абажура.

В коридоре уже было сумрачно, день убывал. Закрывая дверь учительской, Кан Инхо слышал странные вопли. На самом деле уже тогда, когда он набирал сообщение жене, до его ушей доносились непонятные звуки, а в безмолвии коридора крик резанул по барабанным перепонкам. Он остановился на полпути к выходу и посмотрел назад. Звук доносился со стороны туалета. В его душе будто два громадных ледника столкнулись меж собой. Вспышкой промелькнуло предчувствие: стоит лишь проявить интерес к этим воплям – и его жизнь покатится в совершенно неожиданном направлении. Тик-так, тик-так, тик-так... Все его существо металось из стороны в сторону, тело свело судорогой. Но длилось это доли секунды. Последнее слово осталось за телом. Сам того не осознавая, он уже во всю прыть бежал на источник звука. Ноги принесли его к двери женского туалета. Оттуда прорывались взвизгивания, напоминающие лязг железа. Мгновение он медлил, так как туалет все же был женским, но затем толкнул дверь. Она оказалась заперта. Он стал колотить в нее:

– Есть там кто? Что происходит?

Вдруг до него дошло, что здесь – школа для инвалидов по слуху и, если тот, кто находится внутри, глухонемой, он не услышит его криков. Внезапно его кулаки, тарабанившие в дверь, бессильно замерли. Словно в подтверждение его слов, в другом конце коридора появился куратор, ответственный за внешкольное воспитание детей, и он явно не слышал, как Кан Инхо колотил в дверь. С лестницы донеслись шаги воспитанников, живущих в общежитии. Он никогда не задумывался, как важен слух и что значит умение слышать. Дети с нарушением слуха внешне совершенно нормальные, и оттого у него вылетело из головы, что они инвалиды. Когда сообразил, что во всем огромном школьном здании только он один может расслышать крики, его в очередной раз бросило в дрожь, будто он оказался единственным наблюдателем параллельного мира.

Скоро взвизгивания прекратились. Он толкнул дверь в мужской туалет по соседству, предположив, что после уроков здесь принято закрывать туалеты. Однако дверь легко поддалась. Значит, дверь женского туалета кто-то запер изнутри.

Он выдержал небольшую паузу, достаточную для двух глубоких вдохов, и, убедившись, что все стихло, направился к выходу. Кто его знает, вдруг у какой-то ученицы заболел живот, вот она и кричала, уговаривал он себя, пытаюсь

избавиться от неприятного чувства. Глухонемые дети не слышат свой собственный голос и потому вполне могут издавать такие истошные вопли. Так что ничего страшного не произошло.

Лицо обдало влагой. Он думал, на побережье всегда так, однако после захода солнца с поверхности сумеречного моря вновь надвигалась холодная туманная мгла, хоть и не такая густая, как накануне вечером.

Направляясь к стоянке, он зажал в зубах сигарету. Зажигалка в руках ходила ходуном. В голове вновь засвербело: «Кто это был, черт подери? И что случилось? Неужто там, за закрытыми дверями туалета, на самом деле что-то происходило?» Выпуская дым в полупрозрачный туман, он силился заглушить тревогу.

Машин на стоянке осталось мало. Среди них была роскошная синяя иномарка. Машинально он оглянулся на школу, отметив, что в кабинете зама горит свет. Светились окна и в компьютерном классе, и в кабинете директора. Он забрался в машину и завел мотор. И увидел низкорослого кучерявого мужчину с длинноволосой женщиной, шагавших в сторону интерната. Это был куратор по внешкольному образованию, отвечающий за порядок в общежитии, – Пак Бохён, как его представили утром. Всего кураторов было более десяти, большинство – глухонемые, и Пак Бохён в том числе. Весь его вид с волнистой шевелюрой, толстыми нависшими веками и блестящими, как у крысы, бегающими глазками производил ужасно неприятное впечатление, отчего и врезался в память Кан Инхо. Похоже, его спутница тоже была глухонемой, так как что-то показывала жестами.

Подъехав к проходной, Кан Инхо притормозил. Охранник, заметив его, вышел из сторожки. Это был мужчина с широким, слегка рябоватым лицом – последствия оспы.

– Доброй ночи! – поприветствовал его Кан Инхо будничным тоном, стараясь сохранять спокойствие.

– И вам того же.

– Знаете, в женском туалете на первом этаже, кажется, кто-то кричал. Вы не могли бы на всякий случай удостовериться? – проговорил он через опущенное

стекло машины.

Охранник сперва насторожился, а потом расплылся в улыбке. Конечно, он мог ошибаться, но эта улыбка больше напоминала ухмылку. Темный силуэт на фоне освещенной сторожки постепенно заволакивала туманная дымка.

– А! Вы про это? Ребятки порой от скуки начинают баловаться и визжать. Ведь их ушам собственные крики не слышны. Вам не о чем беспокоиться, лучше будьте осторожны за рулем. Опять туман. Если с раннего вечера так, то к ночи и подавно будет ужас что.

Охранник снова осклабился. Тон его был вполне уважительным, однако Кан Инхо услышал совсем другое: «Не лез бы ты куда не следует, а лучше бы убирался восвояси!» Голова его раскалывалась от необъяснимого тягостного ощущения, которое не отпускало его с самого прибытия в Муджин.

19

Уже вырулив за ворота, он осознал, что интернат находится на приличном расстоянии от Муджина. На машине до города можно было добраться минут за пять, и на всем протяжении вдоль дороги раскинулись заросли дикого тростника. В зеркале заднего вида он проследил, как в туманной мгле стираются контуры интерната «Чаэ». В нескольких окнах общежития горел свет, но и он постепенно тускнел в молочных клубах. Интернат напоминал огромную крепость, изолированную от остального мира. Туман, главная достопримечательность Муджина, плотным занавесом отгораживал заведение от посторонних взглядов. Когда он сгущался, вот как сейчас, у тех, кто находился вне стен, не было абсолютно никакой возможности узнать, что происходит внутри.

В приглушенном из-за тумана свете фар показалась чья-то фигура. Кан Инхо снизил скорость. Это была Чин Юри. Увидев машину, Юри замерла, в ее руках опять были чипсы. Он опустил стекло, Юри взглянула на него, и одновременно в ее рту хрустнула чипсина.

Его насторожило, что дети по темноте, да еще и в туман гуляют где им вздумается. Вдобавок у этой девочки со множественной инвалидностью была

третья степень олигофрении, что означало умственные способности на уровне детского сада. Она была гораздо миниатюрнее своих сверстников, но внезапно ему бросилась в глаза ее не по годам развитая грудь.

Узнав его, Юри робко улыбнулась. Вчера при встрече с ним она закричала от ужаса и ринулась бежать, а сейчас ее ясные глаза были полны детской непосредственности. Он улыбнулся ей в ответ и махнул рукой, дескать, возвращайся скорей в общежитие. Юри стыдливо передернула плечами и побежала в сторону интерната.

Он не тронулся с места до тех пор, пока она не достигла ограды. Дорога, ведущая в город, была пустынна. Он нажал на газ, лишь убедившись, что Юри, еле различимая в туманной мгле, зашла в ворота. Пока он ждал, пришло сообщение от жены: «Давай уже возьмемся за ум! Я постараюсь быть терпимее. И мне тоже жаль... люблю тебя».

Прочитав послание, он почувствовал себя глубоко набожным человеком – захотелось кому-то вознести молитву. Попросить, чтобы позаботился. О его жене, их единственной дочке Сэми, о Минсу, что потерял младшего брата, об этой невинной хрупкой Юри, бегущей в интернат, и о его пребывании в Муджине.

20

В ту ночь охранник клевал носом под включенный телевизор – с экрана лились мелодии популярных песен. Коротко стриженная девочка вслепую сквозь пелену тумана вышла за ворота. С пустыми руками и в домашней одежде. Оставив ворота позади, она бросилась бежать. Воздух сочился влагой, дышать было тяжело, поэтому, преодолев пару километров до автобусной остановки, она совершенно выбилась из сил и, едва дыша, чуть не рухнула на землю. На остановке ее ждал мужчина в невзрачном черном костюме. Он с тревогой без конца глядел на часы. Увидев девочку, усадил ее в машину и рванул в сторону Муджина. Туман заслонила автомобиль, как будто опустили занавес, давая понять, что первое действие закончилось.

21

На следующее утро Кан Инхо с бумажным пакетом в руках постучался в кабинет зама. Он твердо решил, что в последний раз поступает столь беспринципно и безответственно. Это не означало, что он самодовольно считал себя непогрешимым: за тридцать три года жизни ему случалось совершать постыдные поступки. Пару раз, уже будучи женатым, он переспал с девушками из бара, а когда занимался бизнесом, занижал показатели прибыли. Желал разорения однокашнику – неприятному типу, который преуспел в делах и бахвалился своей дорожкой иномаркой. А еще испытывал странное влечение к жене приятеля – удивительной красоте. Но чтобы, как сейчас, потворствовать откровенному взяточничеству – такого с ним не случалось. И впервые он шел на работу, уговаривая себя подобным жалким образом. Однако он вновь припомнил слова жены: был бы ты богачом, повезло бы тебе унаследовать огромные земли, ты бы пожертвовал на нужды глухонемых детей в десятки раз больше нынешней суммы.

В кабинете зама он неожиданно застал инспектора Чана, с которым столкнулся вчера у директора. Похоже, разговор шел серьезный, так как инспектор при его появлении натянул на лицо улыбку и, видимо, чтобы подчеркнуть, что ничего особенного не происходит, притворно закашлялся. В отличие от Чана, успевшего состряпать подходящую мину, Ли Ганбок явно занервничал и бросил быстрый взгляд на бумажный пакет.

– А! Учитель Кан! Оставь это там, и можешь идти.

Взгляды инспектора Чана и Кан Инхо пересеклись, и воздух словно заискрился. Кан Инхо прочитал в этом взгляде непонятную враждебность и даже вызов. Инспектор же с улыбочкой умудренного жизнью человека проговорил:

– Вот и снова довелось увидеться. Сегодня туман уже не такой густой, не правда ли? Вчера так было даже жутковато... Я слышал, вы приехали из Сеула. Такой туманище, верно, и вас заставил понервничать. Возможно, из-за глобального потепления он становится невыносим. Туман, я хочу сказать.

В голосе инспектора ощущалось чересчур повышенное внимание к его персоне. Скорее всего, он догадался, что в бумажном пакете с названием банка лежат деньги.

– О да.

Кан Инхо пересек кабинет и поставил пакет перед Ли Ганбоком. Он нервничал оттого, что совершает противоправные действия на глазах у стража порядка, и двигался скованно, как робот.

– Вы из Сеула, и, скорее всего, вам этого не понять, но у Муджина, скажем так, есть одна особенность. Мы любим сеульцев, но, как бы это сказать... У нас со столицей особые отношения. Дело в том, что когда те, кто перебрался в Сеул, через много лет возвращаются на родину, то начинают на все недовольно фыркать. А ведь их налоги идут в Сеул, и жильем они обзаводятся в столице, а сюда приезжают только затем, чтобы повернуть махинации с земельной собственностью. Конечно же, я ни в коем случае не имею в виду вас.

Монолог инспектора затянулся, и Кан Инхо был вынужден замереть в нелепой позе. Присесть ему не предлагали, и он ждал момента, когда сможет покинуть кабинет, отделавшись дежурной улыбкой. Однако инспектор Чан вновь заговорил:

– Давайте как-нибудь пропустим по стаканчику. Муджин – самое подходящее место для беззаботного времяпровождения, тут нужно есть, пить и веселиться.

22

В классе первым делом он проверил по списку учеников, нет ли отсутствующих. Ёнду на месте не оказалось. Он знал, что, если бы приболел кто-то из общежитских ребят, его бы об этом предупредили, однако на утренней планерке с кураторами никто ничего не сказал. Он подошел к парте Ёнду и спросил ребят, где она. Ученики, хлопая глазами, показали жестами, что не знают. Он набросал на доске план урока и вернулся в учительскую.

Пак за соседним столом, поставив перед собой ученика девятого класса, бил того наотмашь по щекам, а все в учительской делали вид, что ничего не происходит. Видно, побои длились уже порядочно – щеки мальчишки горели огнем, напоминая алых асцидий. Кан Инхо хотел было сесть за свой стол, но тут мальчишку зашатало, и он чуть не упал. Кан Инхо бросился его поддержать и незаметным жестом оттащил подальше от Пака и его кулаков. Пак же, почувствовав на себе взгляд Кан Инхо, отряхнул ладони.

– Вы только посмотрите на этих молокососов! Вытворяют в школе невесть что. Еще раз поймаю – прибью насмерть!

Ребенок был глухим. Интересно, он догадывался, за что его наказывают? Вроде девятиклассник, правда, ростом маловат. И в отличие от сверстников, для которых в этом возрасте вполне естественно проявлять непослушание, на бунтаря не походил: стоял понурясь, лицо опухло, и по нему текли слезы.

– Пшел вон! – Пак толкнул его в спину.

Пошатываясь, ученик вышел из учительской. В комнате повисла напряженная тишина. У Кан Инхо язык не поворачивался спросить у коллег, за что Пак жестоко отхлестал ребенка. Вместо этого он решил навестить завуча и осведомиться о причине пропуска Ёнду. Изобразив на лице, что с трудом припоминает, тот проговорил:

– Вчера ночью она самовольно отлучилась из интерната. Насколько мне известно, сейчас с ней проводит беседу заведующий по воспитательной работе. После этого она, вероятно, вернется в класс.

– Простите, а где именно сейчас ученица? Может, я смогу быть чем-либо полезен...

Завуч ответил уклончиво:

– Скорее всего, в компьютерном классе.

Кан Инхо показалось странным, что подобные беседы проводятся не в кабинете по учебно-воспитательной работе, а в компьютерном классе, и, так как первая пара у него была свободная, он отправился на второй этаж отыскать Ёнду. Поднявшись по лестнице, он завернул за угол и замер: из компьютерного класса вышли инспектор Чан вместе с замдиректора. Склонив головы, они о чем-то шептались, словно соучастники заговора. Попрощавшись с инспектором, зам снова скрылся в компьютерном классе. Кан Инхо инстинктивно подался назад и укрылся за углом. Ему не понравилось, что недавно в кабинете замдиректора этот самый инспектор проявил излишний интерес к его персоне. Проворно сбежав на один пролет, он приложил мобильник к уху и повернулся к окну, делая вид, будто с кем-то разговаривает:

– Да, это я. Да. Я сейчас в Муджине. Ага. Здешняя школа? Да ничего особенного.

За спиной раздались шаги. Когда инспектор поравнялся с Кан Инхо, на мгновение шаги стихли. Затылок обожгло, а по спине пробежали ледяные мурашки, словно его застали на месте преступления. Затем вновь слышались шаги – инспектор торопливо спускался по лестнице. Кан Инхо прирос к месту, в голове роились мысли: смысленная Ёнду, самовольная отлучка из общежития и эта парочка – инспектор Чан с замом. И почему ребенка отвели в компьютерный класс, даже не посвятив его, классного руководителя, в курс дела?

В коридоре на втором этаже стояла тишина. Компьютерный класс находился немного поодаль от других помещений. Кан Инхо остановился возле его двери. Оттуда донеслись крики.

23

– Кто надоумил тебя?

Тишина.

– Кто сказал сделать это? На чьей машине ты ездила? Говори, кто?

Тишина.

– Скажи ей, если тотчас не признается, ее заберут в полицию!

Вслед за этим слышался вопль девочки. Кан Инхо схватился за дверную ручку. Холод металла через ладонь передался в позвоночник. Его охватило странное чувство – то ли надежда, то ли страх, что, возможно, дверь будет заперта, как вчера в женском туалете. Но ручка неожиданно легко провернулась. И его охватил ужас, словно он нечаянно шагнул в трясину и понял, что его неотвратно засасывает. Он постарался открыть дверь как можно бесшумнее. В компьютерном классе все столы были отгорожены высокими перегородками, поэтому он ничего не увидел. Но в тишине скрежет поворачивающейся ручки, похоже, прозвучал довольно громко. Раздался чей-то визгливый окрик:

– Кто там?

– А... Ну... моя ученица здесь... – пробормотал он и двинулся на звук. Ёнду действительно была здесь. Однако рядом с ней сидел вовсе не заведующий по воспитательной работе, а зам и какая-то женщина. Ее он видел впервые, но, судя по всему, это была куратор по внешкольной работе в женском общежитии: она переводила слова зама на язык жестов.

– Видите ли, моя ученица не пришла на урок... и господин завуч любезно сообщил мне, что она здесь...

Он изо всех сил старался говорить как можно вежливее, даже заискивающе, словно просил прощения за бесцеремонное вмешательство в дела, в которых мало что смыслил. Он нарочно сделал упор на том, что послал его сам завуч. Конечно же, нелепо, что его заставляют краснеть за вполне естественный интерес, но он решил за лучшее проявить почтительность с примесью подобострастия. Как ни крути, зам приходился братом директору интерната и являлся отпрыском основателя этого заведения, а значит, имел определенный вес. Так что не стоило портить с ним отношения. Подумать только, он здесь всего сутки, а уже непроизвольно реагировал подобным образом.

– Твоя ученица?! А ты вообще кто такой? Немедленно покинь класс!

Ёнду быстро глянула на него. Видимо, ее били по голове: волосы взлохмачены, мертвенно-бледное лицо перекошено ужасом. Их взгляды пересеклись всего лишь на секунду, но в ее глазах, в этой бездне страха, вспыхнул огонек, будто сигнальная ракета, на мгновение разорвав непроглядный мрак ночи. Огонек этот сразу же угас: Ёнду бессильно опустила голову, увидев, как он стушевался.

– Я не знаю, в чем провинилась моя ученица, но, как классный руководитель... – проговорил он медленно, чеканя слова. Ему не давал покоя сигнал бедствия в глазах Ёнду.

– Без разрешения покинула общежитие! К тому же ночью, что совсем из ряда вон! Ведь и не маленькая уже! – проговорила женщина, окинув Кан Инхо ледяным взглядом. Стройная фигура, волосы собраны в хвост, а в голосе – стальные нотки. Выглядела она весьма дерзкой и даже свирепой – возможно, из-за слишком яркого макияжа.

– Вы правы, но, мне кажется, было бы разумным отправить девочку на занятия, а уже после уроков приструнить...

– Посмотрите-ка на него! Откуда только выискался? Ты кого сейчас уму-разуму учить вздумал? Неужто не видел, что даже из полиции понабежали? В школе все на ушах стоят, а он умничать вздумал. Ты имей в виду, учителя к нам в очередь выстраиваются, – взъерепенился зам.

Сказать такое при ребенке, хотя бы и глухом! В конце концов, это учебное заведение, а он все-таки учитель, пускай и на временной ставке. Но зама это все не волновало. Кан Инхо вспомнил свое вчерашнее ощущение чего-то варварски грубого, исходящего от этого типа; теперь же его обдало затхлым зловонием сточной канавы. У него подкосились ноги, как будто пуля поразила его в сердце.

24

В тот день Ёнду так и не вернулась в класс. На лица ребят снова опустилась непроницаемая маска. Если вчера, в свой первый день в школе, он чувствовал себя, будто его облили помоями, то сегодня было ощущение, что его с головой окунули в бак с помоями. Он не понимал, как можно так выражаться и вести себя подобным образом. Его обуревала тревога: если все не разрешится в ближайшее время, он будет не просто сломлен – все его существо превратится в клочок туалетной бумаги, смытый в унитаз.

После уроков он первым делом зашел на домашнюю страничку интерната «Чаэ», чтобы отыскать общежитского куратора Ёнду. Среди восьми кураторов обнаружил ту самую дамочку с конским хвостом – звали ее Юн Чаэ, и лет ей было двадцать пять. Он задумался, есть ли связь между ее именем и названием интерната, и еще раз внимательно пробежался по ее анкете.

Когда ребята закончили с уборкой и разошлись, он направился в общежитие на поиски Ёнду. Комнаты воспитанниц располагались на третьем этаже. Миновав длинный коридор, ведущий из учебной части в жилой комплекс, он отыскивал нужную комнату. Здесь жили шесть учениц седьмого, восьмого и девятого классов. В комнате стояли три двухэтажные кровати и огромный стол у окна. Ветер колыхал белые кружевные занавески на окне, за ним, далеко-далеко, раскинулась черная суглинистая отмель, напоминающая изогнутую спину

гигантской рептилии. Было сравнительно чисто, и мебель не выглядела такой уж старой. Ему говорили, что этот интернат – образцово-показательное социальное учреждение для инвалидов, которое уже несколько лет подряд получает поощрения от городского отдела образования, и увиденное им в принципе не расходилось с этой оценкой. Не случись вчерашних странных событий, возможно, он даже настроил бы восторженный отзыв, восхищаясь заботой местной администрации – мэрии и отдела образования – об этих детях.

Когда он вошел, четыре ученицы встали с мест. На их лицах было написано удивление. Лишь Юри осталась сидеть на кровати. В глазах этого ребенка с третьей степенью умственной отсталости, сжимающего в руках маленького плюшевого мишку, сквозил нескрываемый ужас.

– Где Ёнду? – спросил он на языке жестов.

Девочки хранили молчание. На их лицах скорее читалось не «не знаем», а «не можем сказать».

– Юри, ты же дружишь с Ёнду? Где она?

Юри сидела с опущенными глазами и гладила по голове своего плюшевого медведя. Казалось, еще немного – и ветхие, прогнившие нитки лопнут, выпустив наружу всю вату. Юри упорно избегала взгляда учителя.

Он вспомнил общеизвестную истину, что с помощью слов можно передать лишь десять процентов содержания. Недостаточно облечь сообщение в звуки, важны интонация, контекст, жесты и мимика – только так можно полностью передать смысл. Когда появились мессенджеры и они с женой осваивали виртуальное общение, иногда едва не доходило до ссор, ведь в киберпространстве невозможно полноценно передать все нюансы речи. Впрочем, это касалось не только общения в мессенджере. Он вдруг вспомнил свою дочь Сэми. К примеру, стоило ее отругать, пятилетняя дочка могла ответить: «Я тебя не люблю!», однако глаза и тело Сэми говорили другое. Его сердце расшифровывало эту фразу так: «Мне грустно, что я расстроила папу. Мне хочется радовать его. Я хочу быть любимой!» В случае с Сэми это было несложно, потому что он любил свою дочь и мгновенно мог распознать и воспринять невербальный смысл сказанного ею. Лицо Сэми вдруг отодвинулось на задний план: он вспомнил огонек, что на мгновение вспыхнул и погас в устремленных на него глазах Ёнду.

Он снова заговорил, стараясь на своем никудышном языке жестов передать, что у него на душе:

– Я действительно волнуюсь за Ёнду.

Девочки переглянулись и обменялись едва заметными жестами. Если бы они общались на обычном языке, это можно было бы сравнить с перешептыванием, но для него их знаки оставались непостижимой головоломкой.

– Пожалуйста, скажите мне! Я правда хочу ей помочь. Я на все готов ради вас.

Ему и во сне не могло присниться, что он, учитель, будет говорить детям подобные вещи.

«Ты чего цирк устраиваешь? Опомнись, старик! Ты же там не в качестве сотрудника службы спасения 119!» – скорей всего, так бы отреагировал его бывший компаньон по бизнесу, который всячески отговаривал его от места преподавателя спецшколы в Муджине.

«Если вдуматься, кто кому может помочь в этой жизни? Ведь помощь в конечном счете означает лишь удовлетворение тщеславия того, кто эту помощь оказывает. Брось! Вот попросят тебя – тогда и поможешь!» – так он сам в свое время говорил приятелю, который хотел помочь попавшей в переделку Со Юджин.

«Да что с тобой? Пожалуйста, больше не заставляй меня так унижаться!» – услышал он голос жены. И славный Кан Инхо, не привыкший перечить жене, ответил самому себе: «Признайся честно. Ты приехал сюда совсем не для того, чтобы сделать свой добрый вклад в этот мир, как преподнес это Со Юджин. Ты здесь только ради денег. Спору нет, здорово творить добро и за это получать зарплату. Окей! Но не более того. Если, дожив до тридцати трех и потерпев за эти годы столько поражений, ты до сих пор ничему не научился, тебе самому следует присвоить третью степень умственной отсталости! А местная администрация назначит тебе базовую пенсию. Шутка. В общем, не перегибай палку, состряпай умеренно-обеспокоенное лицо, сделай вид, что ты не в курсе всего происходящего, а затем уноси отсюда ноги! Ты уже сделал все от тебя зависящее. В конце концов, ты не можешь принудить детей отвечать на твои вопросы. В любом случае ты приехал только вчера, так что не при делах. Хватит

играть в детектива – подумаешь, герой!»

Ему захотелось по дороге домой заглянуть к Со Юджин, они пропустят по стаканчику, и, быть может, он ей скажет:

– И ты, и я – всего лишь крохотные винтики в этом необъятном мире. Даже если мы двое выйдем из игры, земля по-прежнему будет вертеться. Так что пойдем-ка лучше в караоке и споем песню навроде «Ничего не попишешь, ведь так все устроено...».

А потом, пьяные, они зашагают по улице, и он скажет Юджин, чтобы шла домой, а сам отправится на улицу красных фонарей в поисках той малолетней косенькой девицы. На счастье или на беду, она снова с хохотом вцепится в него: «А, это тот дяденька, что пахнет Сеулом!», и он, якобы не сумев побороть искушения, последует за ней. И тут выяснится, что Со Юджин не пошла домой, а следит за ним. Она возмутится: «Кан Инхо! Ты что, и вправду намерен так жить?» Он попытается оправдаться, мол, нет, не хочу, но что поделать? Ведь все так живут...

Он не заметил, как Юри встала с кровати. Внезапно она потянула его за край одежды, а у остальных четырех девочек в глазах загорелся страх, словно вспыхнувшие во мраке спички. И тогда он понял, что Юри, та самая Юри с третьей степенью умственной отсталости, увлекает его в самую гущу всего этого кошмара. С одной стороны, этого он добивался, а с другой – совершенно не желал.

25

С плюшевым мишкой под мышкой Юри шла по сумрачному коридору, опередив его на несколько шагов. Когда он ее догонял, она убегала вперед, а если отставал, оглядывалась и ждала, будто бы давая понять, чтобы держал дистанцию в три-четыре шага. По дороге им встретились ватага мальчишек, направлявшихся в компьютерный класс. Они кивнули ему в знак приветствия. Окна общежития выходили на Г-образное крыло учебного корпуса: в учительской горел свет, мерцая в сизых сумерках. Черные громады деревьев раскачивались на ветру, разметав косматые ветки. Кан Инхо, словно под гипнозом, следовал за Юри.

Поразительно, но шаги Юри были практически не слышны. Маленьким невесомым ангелом она точно плыла по воздуху. В полумраке, прислушиваясь к звуку собственных шагов, Кан Инхо поднялся вслед за ней этажом выше. Юри свернула в темный коридор и остановилась, и до его ушей донеслось дребезжание стиральной машины. Из-под двери прачечной пробивался свет, и больше ни единого огонька в поле зрения. Убедившись, что он все понял, Юри повернула обратно. А когда ее темно-синий спортивный костюм исчез за углом, из прачечной раздался вопль.

Он открыл дверь. Это было довольно просторное помещение, где общежитские ребята сами стирали свою одежду. Он сначала не поверил своим глазам. Три рослые ученицы старших классов обступили огромную стиральную машинку, две из них держали Ёнду за плечи, а третья пыталась силком затолкать ее руку в крутящийся барабан. И хотя сработала функция отключения отжима при открытии дверки, барабан все еще довольно быстро вращался. Ёнду кричала.

– Вы что творите? – неожиданно для самого себя гаркнул Кан Инхо.

Оглянулся лишь один человек, которого он поначалу не заметил: Юн Чаэ. Ее раскосые глаза столкнулись с его взглядом. Поразило то, что в них читались одновременно гнев и затравленность.

Он бросился вперед, чтобы оттащить Ёнду, и старшеклассницы враз обернулись вместе со своей жертвой. Вырвав ее из их рук, Кан Инхо порывисто прижал Ёнду к груди. Неожиданно она оттолкнула его. Но затем, осознав, что учитель пришел сюда за ней, укрылась за его спиной. Дребезжание замедляющегося барабана резало уши.

– Вы что тут вытворяете над ребенком? – Испепеляющим взглядом он уставился на Юн Чаэ – единственную, кто мог его услышать. Особенно его разозлило то, что ей было двадцать пять, как он узнал из анкеты. Лица старшеклассниц в свете люминесцентных ламп приобрели зеленоватый оттенок.

– Проводим воспитательную работу! – медленно произнесла Юн Чаэ, делая паузы между словами, и его сердце, готовое выпрыгнуть из груди, немного поумерило свой бег.

Он обернулся к Ёнду, стоявшей за его спиной, и осмотрел ее руку, побитую крутящимся барабаном. На коже проступили багровые пятна. Слава богу, серьезных повреждений не было.

– Ты не поранилась? Все в порядке?

Ёнду никак не могла отдышаться и с лихорадочным блеском в глазах пристально вглядывалась в его лицо.

– Это же самая натуральная расправа! Как можно применять к ребенку такие меры? Вы разве не куратор общежития? В Республике Корея подобные методы к воспитательной работе никакого отношения не имеют! – проговорил Кан Инхо, стараясь подавить гнев.

– Ха! Я-то думала, у нас новый учитель, а тут, оказывается, адвокат объявился! – фыркнула Юн Чаэ и визгливо рассмеялась. Вслед за ней нерешительно захихикали обступившие ее девицы.

– Да неужели? А не желаете ли предстать перед судом? Вдруг я адвокат, прикинувшийся преподавателем на временную ставку?

В голове не укладывалось: сначала приходится терпеть оскорбления от директора, потом от зама, от коллеги-учителя, а теперь от этой двадцатипятилетней пигалицы. Его плечи вздыбились от вскипевшего в нем гнева. И тут, к его удивлению, с губ Юн Чаэ сошла улыбка.

– Общежитие – это жилая часть интерната «Чаэ», оно находится в ведении кураторов по внешкольному воспитанию. Вы не имеете права вмешиваться!

Она по-прежнему чеканила слова, но что-то в ней надломилось. Нет, она не капитулировала, разумно признав его авторитет. Она лишь отступила из опасения, что как мужчина он может прибегнуть к физической силе. Стиснув зубы, Кан Инхо смерил ее взглядом. Ему и в самом деле захотелось влить ей хорошую затрещину, чтобы расквитаться за все унижения, которые довелось испытать здесь. Она, видимо, почувствовала его колебания. И он решил воспользоваться ее страхом, чтобы выйти победителем хотя бы в этой стычке. Придав жесткости взгляду, он резко бросил:

– Я забираю ребенка с собой. Потому как вы, хоть и зоветесь куратором по внешкольному воспитанию, на самом деле применили бандитские методы. И если вы хотя бы еще раз позволите себе подобный произвол к ученикам моего класса, вам точно не поздоровится!

Кан Инхо потянул Ёнду за руку. Ее негнущаяся, будто задеревеневшая ладонь, казалось, сопротивляется. По всему чувствовалось, что Ёнду некомфортно: зажатая в его руке ладонь беспрестанно дергалась. Выйдя в коридор, Кан Инхо на мгновение отпустил ее руку и на своем скудном языке жестов сказал:

– Не нарушай правила! Я хочу помочь тебе!

Он хотел сказать другое, но не знал, как показать это жестами, и потому просто выкрикнул:

– Ты должна уметь защитить себя! Прошу тебя, не давай себя в обиду!

Черные глаза Ёнду округлились. Он и сам себе стал противен: разве можно кричать на ребенка, которого и без того целый день отчитывали и буквально несколько минут назад подвергли истязаниям... Если бы он мог спокойно, подобному донести до нее, что у него на душе! Но как выразить все это на языке жестов? Он снова взял Ёнду за руку и повел по коридору. Сзади слышались шаги Юн Чаэ и старшеклассниц. Бывало ли в его жизни, чтобы он так обостренно воспринимал окружающие звуки? Он здесь и двух дней не пробыл, а уже на пределе сил.

– Черт, черт! Не слышать слов, не понимать слов... Черт бы все это подрал! – бормотал он себе под нос, сам того не замечая.

Похоже, Ёнду, руку которой он снова взял в свою ладонь, не отпускала тревога: ее пальцы не переставая двигались. С его губ сорвался вздох. Отказавшись от идеи высказаться на языке жестов, он сказал сам себе:

– Я с трудом получил это место. Приступил к работе, засунув всю свою гордость подальше. У меня тоже сейчас ситуация аховая, можешь ты это понять? И все же это не лезет ни в какие рамки! Так что, пожалуйста, доверься мне и не упрямься, а просто иди за мной, прошу тебя!

Ему было досадно, что Ёнду пытается высвободиться из его ладони, и еще крепче сжал ее беспокойные пальцы. И вдруг понял: ее пальцы выводят какие-то знаки. Словно на бумаге, Ёнду пыталась что-то написать на его ладони. За спиной слышался топот девичьих ног, и волосы на голове встали дыбом.

0 ? 0

Его кожа под пальцами Ёнду считывала код. Было неясно, то ли это цифры «010», то ли корейские буквы «?». Он закусил губу и сосредоточил все свое внимание на ладони. Почувствовав, как напряглась его рука, Ёнду стала медленно чертить пальцами знаки – раз за разом, снова и снова, пока он наконец не расшифровал ее послание: «010-9987-XXXX, телефон мамы, прошу встречи».

Прислушиваясь к шагам, по-прежнему раздававшимся следом, он взглянул на Ёнду. Она же на него не смотрела. Похоже, она по привычке пыталась отвлечь внимание преследователей. Ёнду еще раз вывела те же самые цифры и буквы. Он остановил ее проворные пальцы и, разжав руку, сам начертил на ее ладони: «ОК».

Лишь теперь из глаз Ёнду, упорно глядевшей прямо перед собой, закапали слезы.

Чтобы запомнить номер, начерченный Ёнду, он запретил себе говорить, думать и даже глубоко дышать. Ёнду была сообразительной девочкой. И тот факт, что этот сообразительный ребенок доверился ему (хотя, казалось бы, само собой разумеется, когда ученик доверяет своему учителю), несказанно обрадовал его.

Как часто, одурманенный алкоголем или табаком, отупевший от бессмысленности существования, он умудрялся забывать телефонные номера близких друзей, день рождения жены или годовщину их свадьбы и даже день рождения дочери! И теперь, отведя Ёнду в общежитие, он опрометью помчался по коридору, влетел в учительскую, едва не растянувшись на полу, схватил ручку и записал цифры на первом попавшемся клочке бумаги. Будь он помоложе, и не будь его мозги отравлены спиртным и табаком, и если бы порочность этого мира не наложила на него свою печать; будь его память по-прежнему цепкой – ведь сумел же он с лету запомнить домашний номер Мёнхи, –

тогда, возможно, он бы притормозил и хотя бы немного подумал. Но он не позволил себе раздумывать. Оторвав уголок бумаги с номером телефона, он кинулся на стоянку и забрался в машину. Надо же, за столько времени он не выкурил ни одной сигареты!

Удостоверившись, что окна закрыты, Кан Инхо позвонил. Прошло довольно много времени, прежде чем ему ответил усталый голос женщины средних лет.

– Вы мама Ёнду? Я ее новый классный руководитель в интернате «Чаэ», Кан Инхо.

Так началась эта долгая история.

26

– Ох, учитель! Простите, что не вышла на связь первая. Послезавтра у мужа операция, мы сейчас в Сеуле, приехали в больницу... Простите, пожалуйста, – проговорила мама Ёнду виноватым тоном, обычным у добряков, которые чувствуют свою ответственность за все происходящее.

– А, вот оно что... Понятно. Говорите, операция послезавтра?

Пальцы Кан Инхо, нервно поглаживавшие руль, внезапно обессилели.

– Предполагают рак, но, чтобы поставить точный диагноз, надо произвести дополнительные исследования, поэтому пришлось закрыть лавку в Муджине... С этими заботами я совсем забегалась. У Ёнду ведь все хорошо?

– Да, с ней все в порядке. А у вас и вправду сейчас забот хватает.

– Простите, что оставила на вас дочь, а сама ничем не могу помочь. Ёнду в восемь лет оглохла, денег на лечение не было, на нас тогда столько всего навалилось, а государство и интернат оказали неоценимую помощь. Без единой воны взяли под свою опеку наших детей, еще и учат их! Нам только и остается, что благодарить безмерно. В позапрошлом году, когда муж был на ногах, двух поросят купил и угостил всех учителей, а нынче обстоятельства не позволяют, вы уж простите, пожалуйста...

Слушая ее, он смотрел сквозь стекло на погружившийся во мрак школьный двор. Ветер усилился, раскачивал ветви камелии у центрального входа. Зато хоть туман разогнал: воздух был чистым и прозрачным, в черном небе, как мурашки на коже, рассыпались звезды.

Когда-то ему нравились строки древнего стихотворения: «Рядом с человеком всегда найдется лесистая гора», что в метафоричном смысле означало: «Ты можешь выжить в любых условиях». А были у него в друзьях любители выпить, что шатались в окрестностях университета в поисках пивнушек и в шутку переиначивали эти поэтические строки на свой манер, заменяя «лесистую гору» на «рисовую водку». Молодому Кан Инхо мир казался гораздо несчастнее и несправедливее, хотя напрямую все эти несчастья и несправедливости его самого не касались. Жестокость мира была чем-то абстрактным, словно картина в раме, и об этом можно было подискутировать точно так же, как и об изречениях классиков. Он словно стоял на берегу реки, возмущенно вздыхал и с негодованием сплевывал в воду, так как противоположный берег находился слишком далеко. Ведь тогда на кону не стояла его плошка с рисом. Однако здесь, в Муджине, всего лишь на третий день пребывания ему пришли на ум эти строки: ты можешь выжить в любых условиях. Кто знает, не придется ли ему скоро заменить «лесистую гору» на «несчастья», что по жизни неотступно преследуют человека. Или нет, даже так: «Среди людей всегда найдутся нелюди...»

– Знаете, Ёнду... она... она по вам скучает. Вот и попросила позвонить. Думаю, ничего особенного. Просто, видимо, подростковый возраст, повышенная восприимчивость ко всему. В этом возрасте все...

Он не закончил фразу. Ему вспомнилось, как она шла, глядя перед собой, не смея поднять глаза, из которых катились крупные, с горошину, слезы. Этого ранимого ребенка – ребенка, который не может слышать... Этого подростка схватили, скрутили, подвергли пытке... На ум пришла другая мысль. Вот идешь ты себе, никого не трогаешь, и вдруг – бац! – ни за что ни про что тебе надавали пощечин, а потом популярно объяснили, за какие такие провинности; и не соображая, в чем дело, ты униженно просишь прощения, а вернувшись домой, после долгих размышлений вдруг понимаешь, что все это какая-то дикая нелепица...

Иномарка позади него подала назад. Тоже синяя, как у зама, но модель другая. В зеркале заднего вида Кан Инхо проследил за машиной: за рулем сидел директор интерната, а на пассажирском сиденье пристроилась Юн Чаэ. Склонившись к водителю, она что-то усиленно ему втолковывала. Кан Инхо уловил в ее манерах жеманность, которой до того в ней не наблюдал. Он не спешил заводить мотор и сидел в темноте до тех пор, пока машина директора не скрылась из виду.

27

Утром следующего дня мама Ёнду неожиданно появилась в интернате еще до начала планерки. Ему позвонили с проходной ровно в тот момент, когда он подыскивал слова для ответа Ёнду: «К сожалению, твоя мама не сможет приехать...» Положив трубку, он призадумался. Посидел за столом, постукивая пальцами по столешнице, затем резко встал и заторопился к выходу. Интуиция подсказывала, что привести посетительницу сюда, в учительскую, не очень хорошая идея.

Какая-то женщина приближалась к зданию школы. Он рванул ей навстречу. Перед ним возник собирательный образ всех корейских женщин средних лет: невысокая, полноватая, с увядшим озабоченным лицом, свидетельствующим, что ей досталось немало пощечин от судьбы. Однако в ясных глазах под слегка тяжеловатыми веками и в волевом подбородке проглядывали милые черты Ёнду.

– Вы мама Ёнду? Я ее классный руководитель, меня зовут Кан Инхо, это я звонил вам вчера.

Погруженная в свои мысли, от неожиданности она вздрогнула и с удивлением взглянула на него:

– Ой! Учитель! Зачем же вы так себя утруждали?

– Но как же ваш муж? Как операция?

– Видите ли, уже и дату назначили, да по результатам последних анализов выяснилось, что показатели печени, или как там это называется, выше нормы, поэтому операцию все-таки решили отложить. Через месяц велели опять

ложиться в больницу, вот я и приехала провести Ёнду, а завтра или послезавтра еду в Сеул – забрать мужа из больницы. Знаете, в последнее время у меня и сны какие-то беспокойные... Ёнду, с ее-то недугом, никогда не причиняла мне лишнего беспокойства, но ведь она знала, что отцу предстоит операция, и все-таки попросила приехать... Наверняка случилось что-то серьезное, вот я и распереживалась... Учитель, она не приболела случайно? Я могу с ней увидеться хоть ненадолго?

Кан Инхо отвел ее за раскидистый, густой куст камелии. Здесь их не могли увидеть из окон учительской или кабинета директора. Убедившись в отсутствии лишних глаз, он заговорил приглушенным голосом:

– Советую попросить разрешения на встречу, и если нужно, то с ночевкой. Не упоминайте про мой звонок, просто скажите: по семейным обстоятельствам. Или же отговоритесь предстоящей операцией мужа. После этого спокойно расспросите дочь. Вы с ней как?..

– Я владею языком жестов. Освоила, когда узнала, что наша девочка навсегда останется глухой...

Она умолкла, словно ком застрял в горле. Самое первое и самое трудное испытание для родителей – признать, что твой ребенок не такой, как все. Неудивительно, что для мамы Ёнду это воспоминание было весьма болезненным.

– Я буквально несколько дней назад приступил к своим обязанностям, поэтому не совсем в курсе, но мне кажется, что с Ёнду что-то произошло.

– Что-то...

В усталых глазах полыхнул страх, лицо исказилось. Казалось, прибавь ко всем жизненным неурядицам еще одну, пусть даже невесомую, как лист бумаги, – это свалит ее в бездну отчаяния. И все же на этом измотанном лице пробивался светлый лучик безыскусной материнской любви. Поразительно, что, несмотря на все невзгоды, она нашла в себе силы выучить язык жестов. А ведь это совсем не просто – как выучить иностранный язык, – но как иначе общаться со своим ребенком? Не секрет, что подростки с нарушениями слуха часто оказываются оторваны от своих родных, не пожелавших или не сумевших овладеть их языком. И он поверил этой немолодой женщине, поверил материнской любви,

что светлым лучиком озарила ее усталое лицо.

28

Впервые за долгое время выдался по-настоящему осенний денек. В небе за окном – ни облачка. Уже долгое время Муджин изо дня в день накрывал жуткий непроницаемый туман, но, видно, у погоды все-таки была совесть.

Рабочий день подходил к концу. Со Юджин занималась рассылкой электронной почты, когда в дверь постучали.

– Да, – ответила она, однако даже спустя несколько минут в комнату никто не вошел. Встав с места, Со Юджин направилась было к двери, и в тот же миг та распахнулась, пропуская невысокую полную женщину.

– Чем могу быть полезна?

Веки посетительницы припухли, а глаза покраснели, как у человека, долго и много проплакавшего.

– Это же муджинский право...

Женщина запнулась. Видимо, до сих пор ей не довелось столкнуться со столь сложным словосочетанием.

– Да, это центр по защите прав человека. Вы по какому вопросу?

Женщина в нерешительности склонила голову и закусил губу. Казалось, она вот-вот заплачет. Похоже, все очень серьезно.

– Мы сделаем все, что в наших силах. Проходите, пожалуйста!

Со Юджин проводила посетительницу в комнату доверия. После некоторых колебаний она все же села напротив и взглянула Юджин прямо в глаза:

– Слава богу, вы женщина. По дороге сюда я переживала, что здесь работают одни мужчины.

Скорее всего, визит был связан с вопросами пола. Стараясь выказать всем своим видом спокойствие и радушие, Со Юджин терпеливо ждала, когда посетительница продолжит. Та, кусая губы, не сводила с Юджин глаз.

– Я даже не знаю, как сказать об этом... и кому...

Со Юджин закрыла учетный журнал записей.

– Мы сделаем все необходимое, чтобы помочь вам, так что можете спокойно рассказать мне все.

На этих словах женщина разрыдалась, слезы лились не переставая. Со Юджин принесла коробку с салфетками и поставила перед ней. Посетительница с беспокойством окинула взглядом комнату и с трудом проговорила:

– Вы не могли бы закрыть дверь?

29

Со Юджин стояла у окна. Спускались сумерки, на улице один за другим загорались фонари.

– Погода – супер! Вот бы на море рвануть и под соджу селедочки навернуть. Администратор Со, ты чего это в темноте сидишь? – В комнату вошел отлучавшийся по делам коллега и включил свет.

Со Юджин обернулась с застывшим взглядом.

– Дома что стряслось? На тебе лица нет. Младшая, что ли, опять приболела?

Она смотрела на него и будто бы не видела, как человек, потерявший что-то важное: оцепеневшая, бледная, с блуждающим взглядом. Наконец она проговорила:

– Секретарь Чон, завтра утром в срочном порядке вызови по возможности всех сотрудников и консультантов. А сам прямо сейчас начинай собирать информацию про интернат «Чаэ». Сегодня у меня был посетитель... Кажется, там творится неладное. И связано это с сыновьями основателя заведения. По другую сторону – дети-инвалиды.

30

Уже ближе к ночи Кан Инхо заварил себе рамён и уселся перед телевизором, щелкая пультом по каналам. Со времен службы в армии он не задумывался, насколько хлопотен процесс приготовления еды. А теперь принялся размышлять о роли матери и вообще о значении женщины в этом мире. И испытал не просто благодарность, а скорее восхищение их невероятной способностью изо дня в день кормить всю семью завтраком, обедом и ужином. Он-то хотя бы обедать мог в столовой интерната.

Вдруг зазвонил сотовый. Это была Со Юджин. Что ни говори, в Муджине это единственный близкий ему человек: за неполную неделю, что он здесь, она пару раз подкидывала ему кимчхи и другие закуски к рису. С одной стороны, он безусловно был благодарен ей за это, но, если честно, ее опека несколько напрягала. В университетские годы она не отличалась особой болтливостью, теперь же, с его точки зрения как мужчины, говорила слишком много. Он решил, что, по всей видимости, это вообще особенность женщин: с возрастом в них просыпается словоохотливость. Поначалу, обнаружив ее многословность, он испытал жалость, думая, что всему виной долгое одиночество. Однако не стоило поддаваться столь безрадостному чувству – ни к чему хорошему это не приведет. Как бы там ни было, превратившаяся в болтушку Юджин отличалась жизнерадостностью, что было гораздо важнее. Однако в минуты усталости эта ее черта начинала раздражать, поэтому он помедлил, прежде чем взять трубку.

– Можешь говорить?

Ее голос был глух и сдавлен. Это совсем не походило на квохтанье старшей сестры-опекунши, когда она принималась допрашивать: «Ты поел? Кимчхи еще подбросить?»

– Прости за поздний звонок, тут случилось кое-что. Если не против, я зайду к тебе. Или ты выходи.

Он машинально оглянулся вокруг: разбросанные рубашки и носки, в раковине громоздится немытая посуда.

– Я выйду...

Он наскоро пристроил кастрюлю от рамен в раковину и вышел из дома. Юджин ждала его перед подъездом, со скрещенными на груди руками.

– Давай сходим куда-нибудь перекусим, я еще не ужинала, – предложила она и быстро зашагала вперед.

Устроившись друг напротив друга в ресторанчике, где подавали картофельную похлебку на свиных ребрышках – камджатхан, она заказала соджу и одну за другой опрокинула подряд три рюмки, потом глубоко выдохнула и посмотрела на него.

– Что случилось?

Не успел он спросить, как она выпалила:

– Ёнду. Ким Ёнду.

Услышав это имя, он замер с палочками в руках, напрочь забыв про картофелину, которую собирался выловить из похлебки.

– Недавно к нам в центр приходила ее мама. Ей нелегко было рассказывать, так как речь про...

Моментально в голове пронеслась вся неделя его пребывания в Муджине. Он не знал, в чем дело, но догадался, что случилось что-то скверное. Он все же подцепил картошку, на автомате положил ее в рот и начал тщательно пережевывать.

– Несколько дней назад эта девочка подверглась сексуальным домогательствам. Со стороны самого директора.

Он вытаращился на Юджин. То, что она сказала, было выше его понимания.

– Он затащил ее в школьный туалет... и чуть не изнасиловал... Я думаю... – Она ненадолго умолкла – видимо, ей стало не по себе оттого, что перед ней – мужчина. Но потом договорила: – Думаю, у него не получилось. Так как девочка слишком мала.

На последних словах она прикусила губу.

31

Жизнь не раз больно била его по голове. Например, когда он узнал, что отец погиб в автокатастрофе. Или когда в армии на него без причины обрушились кулаки начальства – он безропотно их стерпел, парализованный шоком. Или когда он услышал весть о самоубийстве Мёнхи. Однако подобное может случиться с кем угодно, независимо от его воли, и ты вполне мог поделиться с другом, мол, «вот такие дела», а друг сказал бы: «Ну и ну», – и поддержал бы тебя, и можно было чокнуться рюмкой соджу. Но того, о чем только что сказала Со Юджин, не должно происходить на этой земле. Это был не просто удар. В затылке запульсировало, дрожь пробежала по всему телу, как от мощнейшего электрического разряда, – он потерял способность мыслить.

– ...Что?

С задумчивым лицом Со Юджин помешивала камджатхан, но, увидев, какую реакцию произвели ее слова на него, неожиданно улыбнулась краешком губ.

– Не можешь поверить? Вот и я не могла. Однако показания девочки очень связные и детальные. Просто до ужаса...

Ее лицо вновь окаменело. В его памяти всплыл визит к директору. Горделивая осанка, пренебрежительный взгляд, облысевшая голова и тонкие губы на белом вытянутом лице создавали, если честно, впечатление холодности и жестокости. Но такое – как?! Ты директор, сын учредителя интерната, тебе шестьдесят лет, и

ты смеешь домогаться несчастной глухонемой девочки, ученицы седьмого класса! Улицы кишат путанами, кругом полно кафе, увеселительных заведений, массажных салонов; а есть еще секс по телефону – бери и пользуйся. Вон она, улица, вся в ярких огнях, которые, правда, не способны скрыть душок тления; на ней пруд пруди свеженьких молоденьких женщин, желающих подзаработать своим телом, – похожих на мокрых блестящих рыбин, распластавшихся на прилавках. Инспектор Чан, помнится, заметил, что Муджин – самое подходящее место, чтобы есть, пить и веселиться. Уж если на то пошло, директор имеет достаточно финансовых возможностей, чтобы содержать даже несколько молоденьких любовниц и обеспечить себе секс любого качества и в любом количестве.

– Это так грязно и гнусно! Старик в директорском звании... в школе! Ребенка... Да еще в туалете! – возмущенно воскликнула Со Юджин.

Кан Инхо вспомнил вопли, раздававшиеся из-за закрытой двери женского туалета, и моментально увязал их со словами Со Юджин. Не исключено, что именно Ёнду кричала тогда в туалете, а когда он заколотил в дверь, директор зажал девочке рот. Если бы Ёнду могла услышать стук, если бы продолжила отчаянно сопротивляться... Возможно, когда он ушел, директор продолжил свое грязное дело. Стоило проявить тогда больше участия, позвать на помощь. В конце концов, он мог просто разломать эту чертову дверь!

Кан Инхо поспешно отвел взгляд. Сердце бешено заколотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Сейчас его мучил стыд, как Со Юджин в день его приезда в Муджин, когда юная путана пристала к нему. Тогда он шутливо поддел ее, мол, ты не можешь отвечать за всю грязь этого мира. Равно и он не мог нести ответственность за личностные качества директора интерната, в котором волей случая оказался. И все же ему было стыдно и горько, ведь он, учитель, был там и мог предотвратить надругательство. И этот удушливый стыд помешал ему признаться Со Юджин, что в тот день он слышал те самые крики.

– Ёнду той ночью тайком сбежала из интерната – ей помог куратор общежития Сон Хасоп. Она обратилась в центр помощи жертвам сексуального насилия, в письменной форме изложила суть дела, попросила заявить в полицию. А после вернулась в интернат... Но ведь этот так называемый центр помощи должен был сразу же отправить ребенка в больницу, изолировать от насильника! – горячилась Со Юджин, заглядывая в лицо Кан Инхо. Но тот избегал ее глаз. – Вот это-то и есть самое ужасное и абсурдное – позволить ребенку вернуться в

интернат. И мать туда же. Понятно, ей сейчас других хлопот хватает... Но все-таки как так можно?! В любом случае, раз об этом заявили в полицию, то, по идее, должно начаться расследование, однако, по нашим данным, уже утром следующего дня заявление было аннулировано. Дела о применении сексуального насилия по отношению к несовершеннолетним возбуждают автоматически, если пострадавший не достиг двенадцати лет. Если же жертва старше, она может отозвать заявление, и тогда иск аннулируется – и делу конец. Я думаю, ты догадываешься, почему заявление было отозвано: в интернате к Ёнду применили карательные меры. В результате она написала новое заявление, что дала ложные показания. А после этого попросила тебя связаться с ее матерью.

Со Юджин недвусмысленно дала понять, что знает о причастности Кан Инхо ко всей этой истории. До него дошло, что он уже успел стать важным действующим лицом в этом деле. И, возможно, ему придется выступить в качестве свидетеля. Свидетеля обвинения против директора.

Он подумал о жене и дочери. Из-за того, что жена устроилась на работу, как она выразилась, не связанную с панелью или чем-то преступным, уже несколько дней они толком не общались. В их последнем телефонном разговоре жена поделилась:

– Сэми? Она такая умничка, не нарадуюсь на нее! По утрам со своим желтеньким рюкзачком за плечами бодро топает в ясельки. Воспитательница рассказала, как однажды Сэми с улыбкой на губах попрощалась со мной, помахав ручкой «пока-пока», а после подошла к окну и тихонько заплакала, украдкой смахивая слезы. Многие детки ревом ревут – не хотят мам отпускать, а она, видно, решила, что у меня на глазах не надо этого делать. Вот я и не могу взять в толк, дорогой, радоваться или плакать оттого, что наша девочка уже поняла: в этом мире выживает сильнейший...

У Кан Инхо задергался глаз. Со Юджин тем временем продолжала:

– Загвоздка в том, что мы не знаем, каким образом прознали в интернате. Нужна твоя помощь, учитель Кан. От имени матери Ёнду мы снова заявили в полицию, однако прошло уже два дня, а воз и ныне там. Курирует все инспектор Чан, у нас с этим типом и раньше бывали трения. Требуется дальнейшее расследование, но нам доступа в «Чаэ» нет, а воспитанников можно вывести за пределы интерната только в сопровождении родителей. И свидания тоже только в их присутствии.

Ты же в курсе, что мама Ёнду снова уехала в Сеул к мужу? А вдруг в эти минуты над Ёнду опять издеваются? Мы связаны по рукам и ногам и ничем не можем помочь. Тут еще выяснилось, что кураторша по имени Юн Чаэ, учинившая самосуд, приходится приемной дочерью учредителю интерната Ли и росла в его доме. Ее потому так и называли – Чаэ... Больше тебе скажу: ходят слухи, что она любовница своего названного брата – директора интерната. Между прочим, это вполне могло послужить поводом к зверской расправе над девочкой. Оказывается, Юн Чаэ наезжала на Ёнду, мол, чего перед директором хвостом крутишь. Когда я все это услышала, своим ушам не поверила. Какое-то безумие, да и только...

Рассказывая, как было дело, Со Юджин наблюдала за Кан Инхо. Его лицо словно затуманивалось, бледнела на глазах. Он вспомнил всех тех, с кем его успела столкнуть судьба за время, проведенное в Муджине. Поведение Юн Чаэ стало отчасти понятным, разъяснился и тот ее взгляд – враждебный и одновременно затравленный. И, выходит, не зря ему почудился отвратительный грубый душок, исходящий от директора и зама. Так, теперь инспектор Чан. Вероятно, он уже был в курсе случившегося и в тот день не случайно оказался в школе, ведь требовалось замять всю эту историю. Но одного Кан Инхо пока не понимал: почему именно к его персоне инспектор проявил подозрительность и настороженность. Может, предчувствовал, что в будущем они еще столкнутся, и решил заранее обнажить клыки? Почуял, что именно эта сеульская птица станет главным камнем преткновения? Немудрено, такие люди обладают поистине звериным инстинктом. В тот день инспектор предостерег его, чтобы он не оценивал Муджин по сеульским меркам. У Кан Инхо холодок пробежал по спине, и он едва не выпалил: «Да нет же, нет!» Но слова Со Юджин, что, возможно, Ёнду по-прежнему в опасности, заглушили вопль протеста. В ушах снова зазвучали вопли из-за двери туалета, а перед глазами возникла картина расправы над Ёнду, когда руку девочки силком запихивали в стиральную машину.

Совершенно не подозревая, что творится сейчас в душе Кан Инхо, Со Юджин продолжила:

– Знаешь, чую я, дело там нечисто. Нынче из-за директора пострадала Ким Ёнду, в полиции есть ее заявление. Но в твоём классе, я слышала, учится девочка со множественной инвалидностью. Чин Юри, если не ошибаюсь. Так вот, есть данные, что она систематически подвергалась сексуальному насилию со стороны директора, зама и куратора по внешкольному воспитанию Пака Бохёна.

Причем еще с начальной школы!

Если весть о надругательстве над Ёнду была подобна удару молнии, то последнее заявление повергло его в шок, словно земля разверзлась под ногами и вдобавок накрыло мощнейшим цунами. А ведь подспудно у него мелькали мысли, что миловидность Ёнду вполне может спровоцировать у какого-нибудь великовозрастного педофила синдром Лолиты. Нет, конечно, он не собирался оправдывать директора и его злодеяния. Тем не менее допускал вероятность того, что сыграл человеческий фактор и директор просто-напросто поддался человеческой слабости. То есть он хотел так думать. Но если подтвердится факт, что директор, зам и куратор общежития регулярно на протяжении многих лет насиловали умственно отсталого ребенка, дело примет совершенно иной оборот. Он впал в какое-то бессознательное состояние, и слова Со Юджин доносились до него как из тумана, то приближаясь, то отдаляясь.

– Волосы дыбом, скажи? У нас тоже не укладывается в голове, просто не верится. Однако Ёнду призналась матери и еще кое в чем. По ее словам, дети давно об этом знают. Они несколько раз жаловались учителям, но их жалобы игнорировались и замалчивались. Вот и мама Ёнду тоже, видимо, не могла поверить. Она до сих пор не в себе. Эту информацию мы проверим силами нашего центра, после чего предпримем дальнейшие меры – заявим в полицию и... Погоди, что с тобой?

Он не заметил, как выронил из рук палочки. И опомнился, лишь когда Юджин внезапно смолкла. В смущении поднял их и положил на стол. Чтобы как-то скрыть замешательство, он подцепил с тарелки листик шпината и начал его тщательно пережевывать. Потом вдруг ни с того ни с сего вставил в рот сигарету, с трудом прикурил и только тогда понял, что шпинат он так не проглотил. Только бы Со Юджин не заметила... К счастью, погруженная в свои мысли, она не шибко обращала внимание, что с ним происходит. На свинных костях в кастрюле с камджатханом застывал жир. И над этим белесым жиром повисло мутное неповоротливое молчание.

– Чин Юри – умственно отсталый ребенок, – наконец сказал Кан Инхо. – У нее развитие как у шестилетней. К тому же, стоит ей купить чипсов – и она на все согласна. Не перегнем ли мы палку, обвинив весь интернат лишь на основании слов этой девочки? Кроме того, ты ведь сама назвала это догадками на уровне инстинктов, но представь, что ничего не подтвердилось, а слухи-то распространятся. Как ты собираешься держать ответ? Более того, с позиций

здорового смысла... то бишь если рассуждать здраво, разве такое возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Блюдо из сырого осьминога. – Прим. пер.

2

Любимое блюдо корейцев – жареные полоски свинины с двумя прослойками сала. – Прим. пер.

3

Соджу – рисовая водка. – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhien_kon/surovloe-ispytanie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)